

СЕРГЕЙ ЖОГОЛЬ
СЫНЫ ПЕРУНА

Сергей Жоголь

Сыны Перуна

«Издательские решения»

Жоголь С.

Сыны Перуна / С. Жоголь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740236-5

Вторая книга из цикла романов о зарождении Руси. IX век, славянские земли, опасность и смерть подстерегают на каждом шагу. Потеряв родных и близких, Радмир присоединяется к русам и становится одним из них. Он верил в себя, в свою удачу и своих вождей, он стал одним из тех, на чьих глазах зарождалась могучая и славная держава, имя которой — Киевская Русь.

ISBN 978-5-44-740236-5

© Жоголь С.
© Издательские решения

Содержание

Книга первая	6
Глава первая	7
Глава вторая	19
Глава третья	26
Глава четвертая	37
Книга вторая	51
Глава первая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сыны Перуна

Сергей Жоголь

Редактор Т. Бондарь

Редактор М. Кубанова

Иллюстратор И. Ожиганов

Иллюстратор С. Жоголь

Дизайнер обложки С. Жоголь

© Сергей Жоголь, 2020

© И. Ожиганов, иллюстрации, 2020

© С. Жоголь, иллюстрации, 2020

© С. Жоголь, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4474-0236-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга первая
Посланник Бека

Глава первая

1

Солнце поднялось над горизонтом и осветило верхушки кустов, в которых притаился Радмир. Вся одежда юноши насквозь пропиталась росой, и поэтому каждый порыв ветра пронизывал все тело до самых костей и заставлял все мышцы непрерывно сжиматься. Несмотря на то, что он лежал в кустах уже несколько часов, Радмир не обращал внимания ни на холод, ни на затекающие до боли руки и ноги. С детства его и других мальчиков приучали не бояться ни холодных ветров, ни проливных дождей, терпеть укусы ненасытных полчищ комаров и мошек, а при необходимости побеждать и лютую зимнюю стужу. Все проблемы, создаваемые природой, легко можно преодолеть и стерпеть, нужно только знать как себя вести в этих ситуациях, не бояться трудностей и боли, четко ставить перед собой цель и добиваться ее любыми путями. Ветер и дождь не страшны настоящему мужчине, мужчине-охотнику, мужчине-воину, и если правильно выбрать место для засады, то можно свести до минимума приносимые ими неудобства. Запах пижмы и полыни или жженого багульника отгонят мошкару, а лист подорожника или белый млечный сок одуванчика, попадая на место укуса, снимают зуд и покраснение. В суровые зимние холода нужно знать, где лучше развести костер, как найти пригодные для этого дрова, а так же сухой мох, птичьи перья и пух для растопки. Вот и сейчас, применяя на практике полученные знания, поочередно напрягая разные мышцы тела, Радмир восстанавливал кровообращение, и ему становилось немного теплее.

В небе кружил ястреб, высматривая свою будущую добычу. Он парил высоко, то и дело то снижался, то поднимался ввысь, подбрасываемый порывами холодного ветра. Вот он пролетел совсем близко и завис, словно его внимание привлек притаившийся в кустах юноша, но вскоре снова поднялся высоко-высоко, почти исчезнув за облаками. Пернатый хищник так же как и человек был умелым и сильным, он тоже прошел свое обучение. Сама природа позаботилась о том, чтобы научить его жить и выживать в этом мире. Вот он снова появился вдалеке, словно затаился... мгновение, и сильная птица, поджав крылья, бросилась на землю и исчезла в высокой траве. Громкий клекот прозвучал в тишине, прерываемой завываниями ветра, возвестив о победе и желанной добыче ястреба, и через миг, обремененный своей ношей, удачливый охотник поднялся в небо, унося в гнездо трепещущую жертву.

Радмир, краем глаза наблюдавший за ястребом, сравнивал себя с вольной птицей. Вот он – молодой охотник сейчас здесь также высматривает свою цель, свою добычу. Но сегодня его целью были не зверь и не птица, на которых ему с малых лет доводилось охотиться, сегодня впервые его целью невольно стал человек.

Потеряв из вида ястреба, Радмир снова устремил свой взор к горизонту. Эти необъятные места, вместе с их необузданными обитателями все люди славянского рода называли в то время Диким Полем, а через многие годы их потомки дадут им имя Великая Степь. Над широкой равниной с редкими клочками невысоких деревьев и кустарников снова появилось едва различимое облако пыли, известившее о наличии тех, кто потревожил бескрайний простор.

Из Дикого Поля шла орда.

2

В овраге, примерно в половине полета стрелы, среди кустов, Радмира ждали его спутники – Зорко и Невер. Оба юноши, почти мальчики, с тревогой ждали известий от своего более взрослого спутника. Радмир, которому недавно исполнилось семнадцать, был старше Невера на год, а Зорко отметил лишь свое четырнадцатое лето. Все трое были славяне – радимичи¹ из одного рода, и хотя жили они в разных поселениях, но почти всегда были неразлучны. Всегда втроем, всегда вместе, они делили все радости и беды, постигали основы воинской науки и умения добывать зверя и птицу, ловить в реках и озерах рыбу, были приучены пасти стада, возделывать землю, которая с благодарностью платила людям за их заботу, давая пищу и жизнь. Но сегодня, ранним утром, когда молодые люди отправились в степь, чтобы пострелять полевою дичь, они встретили врага.

Невер и Зорко, укрывшись в глубине оврага, с нетерпением ждали вестей. Им обоим хотелось быть сейчас вместе с Радмиром и самим наблюдать за пришлыми воинами, но уже давно они привыкли слушать каждое слово своего старшего друга и безропотно выполняли любое его повеление. Радмир приказал ждать, и они ждали, сдерживая за повод коней, которые с нетерпением перебирали ногами и били копытами землю, как будто им самим передались тревога и беспокойство хозяев.

– Ты слышал, вроде шорох какой? – прошептал Зорко, ухватив за рукав, стоявшего позади него Невера.

– Может, это Радмир ползет, вроде трава шелестит? – и он зажал рукой морду лошади, приглушая ее негромкий храп.

– Да нет, это ветер, – Невер пригнулся и, повернув голову, приложил к уху руку.

– Хотя постой, возможно ты прав, я тоже что-то слышу.

Треснула ветка под ногой, зашуршали и раздвинулись кусты, и Радмир, стряхивая с рубахи налипшую грязь, присоединился к своим спутникам.

В отличие от высокого и широкоплечего Радмира Невер был невысок и худощав. С копной темных курчавых волос, он был мало похож на славянина, хотя и был чистокровным радимичем. Зорко был маленьким и вертким пареньком, на его лице, усыпанном мелкими веснушками, всегда светилась улыбка. Его мать, уставшая от постоянных проказ сына, часто только вздыхала, но не могла злиться и ругать мальчика, которого растила одна без отца, погибшего на охоте в стычке с медведем. Со своим бойким характером этот непоседа постоянно нарывался на неприятности. Он постоянно задирали соседских мальчишек, постоянно дрался, как со сверстниками, так и с парнями постарше. Поэтому часто был бит и почти всегда ходил с синяками. Но все это продолжалось до тех пор, пока мальчонку не приметил Радмир.

Случилось это три года назад, когда Зорко с парой своих ровесников пошел на реку проверять выставленные на ночь сети. Придя к реке, они обнаружили там четырех парней из соседнего поселения и повздорили с ними из-за того, чье это место для ловли. Дружки Зорко бросились наутек, но он сам не отступил. Не имея шансов на победу, он бросился на обидчиков с неистовством маленького хищного зверька, и беспорно был бы жестоко избит, если бы не проходящий мимо Радмир. Увидев, что четверо старших по возрасту мальчишек пытаются

¹ Радимичи – союз восточнославянских племён, живших в междуречье верховьев Днепра и Десны.

избить его маленького сородича, Радмир вступился, и хотя ему тоже изрядно досталось, не дал в обиду своего нового друга. Одним из этих ребят из соседнего поселения и был Невер.

Так они все познакомились и с тех пор были всегда вместе. Но сейчас, в холодной степи, весельчак Зорко был как никогда серьезен.

Радмир подошел к своему коню, потрепав с нежностью его длинную гриву и достав из вещевого мешка, привязанного к седлу, флягу с водой, жадно сделал несколько глотков и только потом заговорил:

– Хазары, не меньше трех сотен, все конные, с оружием, думаю где-то впереди. Уже прошли их дозоры и в любой момент мы можем с ними столкнуться.

– Радмир убрал флягу и, повернувшись, добавил.
– Давайте оба в седла и стрелой в поселок Ты, Зорко, скачи в Дубравное к Вождю, расскажешь все, пусть засылают гонцов в соседние общины, собирают войско, а ты, Невер, поез-

жай к себе на дальнейшее поселение, предупредишь воеводу. Да, вот еще что, смотрите не наткнитесь на их разъезды, они могут быть где угодно.

– А ты как же, куда пойдешь? – в глазах Зорко была нескрываемая тревога за друга.

– Может, с нами?

– Я остаюсь. Попробую отследить, куда они двинутся.

– Может, пройдут стороной? – высказал Невер последнюю надежду. – Вдруг они не с набегом.

– Эти не пройдут, все вои, и коней ведут заводных, чтоб было на чем добычу везти, сразу видно идут грабить. Ладно, некогда ждать, ступайте.

Оба молодых славянина вскочили в седла и сначала не спеша, чтобы ни наделать лишнего шума, озираясь по сторонам, потом все быстрее и быстрее последовали низовьем оврага к славянским поселениям, неся в их мирную жизнь дурную и страшную весть.

3

Люди! Коня! Снова люди и снова коня! Орда шла плотной и грозной стеной. Она шла так, как надвигается на землю грозная туча, неся в себе могучую силу, которую простому человеку никогда не остановить, по крайней мере, не остановить в одиночку. Эта туча надвигалась, нависала над степью, над полями и селениями, реками и озерами, собираясь обрушиться на них миллионы капель дождя в виде смертоносных, жалящих стрел, поражающих всех тех, кто не отступит перед ней. Она стремилась опустить на головы своих жертв разящие молнии, что бы сразить непокорных, породить яркие языки пламени, которое охватит, опалит и поглотит все живое, вставшее на ее пути.

Именно такой, страшной и грозной была эта людская стена, прошедшая мимо нашего героя, который, расставшись со своими друзьями, снова затаился в глубине оврага и наблюдал, запоминал и впитывал в себя всю то, что могло быть полезным для его соплеменников. Была надежда, что Невер и Зорко, его друзья, его гонцы успеют предупредить племя о грозящей беде, а он, Радмир, тоже сделает все, чтобы злое племя было разбито.

Хазарское войско насчитывало около трехсот воинов. Впереди шли черные хазары², основное войско Каганата³. Крепкие, хмурые, с широкими смуглыми лицами, они озирались по сторонам, высматривая все вокруг, втягивали воздух ноздрями как дикие, хищные звери. Они воплощали собой ту страшную силу степной кочевой рати, которую еще многие и многие годы все славянские, угро-финские и другие племена, населявшие просторы Восточной Европы, ощущали на себе в виде набегов и завоеваний гуннов, печенегов, половцев и монголов, пролетавших по бескрайним степям разоряя, разрушая и сжигая все на своем пути.

Низкорослые, но крепкие, неприхотливые и выносливые коня несли на своих спинах таких же диких и необузданных бойцов с хищными повадками и алчными глазами. меховые и войлочные шапки или остроконечные шлемы покрывали головы всадников. Их одеждой были войлочные халаты, на которые у многих были нашиты металлические пластины для защиты тела от копий и стрел. Легкие кольчуги, увешанные бляхами из металла, укрывали тела

² С давних пор различает два рода хазар – чёрных и белых, различие между ними чисто внешнее – одни со смуглой кожей, другие – белокожие. Но возможно, в основе этого деления лежат не расовые, а социальные категории, соответствующие известным в тюркском обществе, где чёрные хазары представляли собой низший, зависимый, слой населения. Термин «белый» у тюрков и других народов означает «свободный», независимый. Белые хазары, вероятнее всего, состояли из свободных, привилегированных, господствующих хазар, из родовой и служилой аристократии хазарского народа.

³ Хазарский каганат в конце IX века был гигантским государством, занимавшим все Северное Причерноморье, большую часть Крыма, Приазовье, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье и Прикаспийское Заволжье. В результате многочисленных военных сражений Хазария превратилась в одну из могущественнейших держав того времени. Во власти хазар оказались важнейшие торговые пути Восточной Европы: Великий Волжский путь – «Из Варяг в греки», великий шелковый путь из Азии в Европу. Огромная дань, собираемая с многочисленных покоренных народов, обеспечивала процветание и благополучие этого государства. Этнически, Хазария представляла собой конгломерат тюркских и финно-угорских народов, ведших полукочевой образ жизни. Зимой хазары проживали в го родах, в теплое же время года кочевали и обрабатывали землю, а также устраивали регулярные набеги на соседей.

воинов, но не являлись залогом их полной безопасности от оружия противника. Лук, сабля и копье были неотъемлемым атрибутом каждого степняка, а небольшие, легкие кожаные или деревянные щиты были до поры до времени заброшены за спины всадников, для того чтобы в нужный момент сыграть свою роль и защитить бойцов от ратного железа.

В середине войска Радмир увидел совсем других хазар, непохожих на тех, первых воинов с дикими раскосыми глазами. Эти были больше похожи на славян: широкие в плечах, высокорослые и белокожие, но их темные глаза и курчавые волосы отличали их от сородичей Радмира и его соплеменников. Сколько же гордости и величия было в этих суровых степняках, считавших себя воинской элитой, высшей кастой всего хазарского войска, способной сокрушить любого врага. Белые хазары – голубая кровь, знать, всего хазарского войска, восседали на породистых конях, сильно отличавшихся от лохматых степных лошадок.

Боевые жеребцы, покрытые, как и их всадники, тяжелыми доспехами из металла, несли своих седоков, соблюдая величие и достоинство, присущее их хозяевам. Доспехи и оружие белых хазар были гораздо лучше и в десятки раз дороже, чем амуниция их простоватого вида соплеменников.

Сородичи Радмира в ту пору не знали неравенства и жили одной большой родовой общиной. В поселениях были племенные вожди, которые управляли охотой, руководили полевыми работами, их слово являлось главным, но не было неоспоримым. У радимичей были воеводы – военные вожди. В моменты набегов кочевников или нападений со стороны враждебно настроенных соседей они вели войско в бой, но при этом были первыми среди равных. Воеводы не только не могли уклониться от боя, а, как правило, сражались в первых рядах, не особо отличаясь от остальных своих соплеменников. Божьи люди – жрецы, или иначе волхвы, представляли особый слой населения. Они – люди, посвятившие себя богам, постигали тайны природы и умели распознавать, ведать ее суровую волю. Принося требы⁴ божествам, они знали то, что не знал простой люд: что может повлиять на урожай, на добрую охоту, или удачный рыбный промысел – умели исцелять раны и болезни, а порой предсказывали будущее всего рода или отдельную человеческую судьбу. Но все равно и они не были теми, кто мог просто, одним своим словом заставить другого упасть ниц, покориться и выполнить свою волю.

Радмир смотрел на передвигающуюся по степи рать и не понимал, почему воины врага разные.

4

Войско скрылось за горизонтом. Осторожно выбравшись из кустов, Радмир, пригнувшись, поспешил к оврагу, в котором он оставил привязанным своего коня.

– Давай, друже, пора нам до дома. – Радмир вскочил на своего любимца и, слегка пришпорив его, направил верного Сивку вперед. – Пусть боги нам помогут.

Кроме верных побратимов-сородичей у Радмира был еще один товарищ – Сивка.

Он был для Радмира любимым и единственным четвероногим другом, с которым молодой славянин проводил время, делил невзгоды и радости.

Высокий и статный двухгодовалый жеребец, вскормленный буквально с рук, слушал и понимал хозяина с полуслова. Не раз Радмир и его конь уносились в степь, чтобы оставить позади то, что было обыденным и скучным, вдвоем и только вдвоем предавались упоению степным простором, скоростью ветра, шелестом трав, вдыхали аромат дикой степной воли. Сивка получил свою кличку из-за своего окраса. Серо-сизая масть коня, только недавно ставшего племенным жеребцом, сделала его гордостью хозяина и предметом зависти окружающих.

Но, не успев сделать и двух десятков шагов, конь и всадник наткнулись на внезапную преграду. Впереди, с вершины оврага, приземистый степняк смотрел на радимича буквально в упор. Это был худощавый, средних лет черный хазарин в запыленном сером одеянии

⁴ Требы – жертвы языческим богам.

и в белой войлочной шапке, на блекло-рыжем жеребце с черной гривой. Кочевник увидел Радмира. Он забросил за спину свой небольшой круглый щит и вскинул лук. К тому моменту, когда первая стрела еще не успела оторваться от тетивы, Радмир и Сивка уже были на вершине. Не тратя времени на разворот, они удалялись от оврага, пытаясь скрыться от внезапно возникшей угрозы. Еще несколько стрел, выпущенных под другим углом, просвистели над головами всадника и коня, но, не задев их, улетели в траву. С левой стороны, наперерез, неслись еще двое степняков. Это был один из тех дозорных отрядов, о наличии которых говорил Радмир своим молодым сородичам. Осознав опасность и подобрав поводья, юноша направил коня правее, вслед только что растворившейся в бескрайней степи хазарской рати. Справа с криками и посвистом наперерез мчались еще двое врагов. Преследуя жертву с трех сторон, всадники мчались, стреляя на ходу. Трое из хазар уже закинули луки за спину и разматывали арканы. Сивка мчался, едва не отрываясь от земли, пытаясь спасти себя и своего хозяина. Но степняки-кочевники не зря имели славу лучших в сепии стрелков. Две стрелы почти одновременно впились Сивке в круп и шею, и, запнувшись, верный конь начал падать на землю, увлекая Радмира за собой.

– Ну вот и все, пропал, – подумал юноша в тот момент, когда ему в бедро, пробив его насквозь до седла, впилась еще одна стрела. – Живым не дамся, лучше смерть, чем плен.

Вырвав из себя окровавленную стрелу и выскользнув из стремян, юноша соскочил с коня, и, перевернувшись через голову, вскочил на ноги. Первый аркан, наброшенный на руку, удалось сбросить. Отпрыгнув в сторону и выхватив нож-засапожник, Радмир одним легким взмахом рассек кожаную петлю, освободившись от второго аркана в тот момент, когда третья петля затянулась на шее и конь одного из преследователей широкой грудью сбил преследуемого с ног.

Сильный удар о землю потряс молодого радимича и он на мгновение потерял контроль над окружающим. Тут же придя в себя, он попытался вскочить на ноги. Юноша почти поднялся, но тут навалившееся на него тело соскочившего с коня хазарина вновь опрокинуло его на землю и помешало встать. Радмир не собирался сдаваться. Зарывчав как зверь, напрягая все свое тело, он сделал новую попытку встать на ноги и сбросить с себя навалившегося врага. Но второй хазарин, ловко спрыгнув с коня, навалился славянину на ноги и изо всей силы рванул арканную петлю, сжимавшую горло юноши. Радмир начал хрипеть, жадно вдыхая воздух. В нос бил исходивший от врагов резкий запах давно не мытых человеческих тел, перемешанный с кислым запахом конского пота. Радмир сделал последнюю попытку избавиться от насевавших на него неприятелей, которые что было сил крутили веревками руки пленнику и били кулаками его по голове.

В пылу этой борьбы юноша вдруг услышал или, скорее, почувствовал легкий удар, и тело одного из противников как-то неестественно дернулось и стало сползать на землю.

5

Их было всего лишь трое. Из-за высокой травы юноша не сразу смог разглядеть мчавшихся во весь опор всадников. Но когда тело пронзенного стрелой хазарина, заливая землю кровью, упало рядом, а второй враг сам вскочил на ноги, забыв о пленнике, Радмир, приподнявшись на колено, увидел их.

Выскочив из-за пролеска на разъяренных конях, почти стоя в стремях и мягко пружиня на полусогнутых ногах, они мчались так, что казалось вот-вот сумеют догнать выпущенные ими же на скаку свистящие стрелы. Кони всадников, роняя из пасти пену, летели по ровному полю и, казалось, еще немного, и они оторвутся от земли. Сами же седоки, являясь образом воинской доблести и отваги, в своем предвкушении битвы были одновременно прекрасны и ужасны.

Две стрелы почти одновременно глухо ударились в тело на секунду оторопевшего хазарина, который только что пытался вязать Радмира. Но он, игнорируя боль, вскочил в седло своего коня и, что есть силы хлестнув плетью несчастное животное, попытался спастись бегством,

и только следующая стрела, впившись точно между лопаток хазарина, заставила того, широко раскинув руки, вылететь из седла. Конь, словно не заметив потери всадника, продолжил свой стремительный бег, догоняя трех других кочевников, которые, не приняв боя, удирали с места событий в сторону недавно прошедшего по степи основного хазарского войска. Они удирали, выкрикивая на ходу непонятное слово:

– Уррусс! Уррусс!

Первый хазарин, с застрявшей в горле стрелой, пробившей кадык и шейные позвонки, уже не подавал признаков жизни. Радмир поднялся с колена и, озираясь по сторонам в поисках выроненного ножа, только сейчас увидел лежащего неподалеку несчастного Сивку. Позабыв про нож и раненную ногу, из которой лилась кровь, юноша бросился к издыхающему коню. Сивка жалобно ржал, хрипел и дергал ногами.

– Не спасти, – голос возвышавшегося над Радмиром воина был глухим и хрипловатым, речь была славянская, но с легким непривычным акцентом.

– Добей. Негоже, чтобы животина зазря страдала, – и внезапный спаситель протянул юноше его же потерянный нож.

Молодой радимич поднял глаза на своего собеседника. Двое других воев находились неподалеку и поглядывали то на стоявшего на коленях перед умирающим конем Радмира, то вслед умчавшимся в даль хазарам.

– Давай, парень, не робей, коню больше не помочь, лучше займись собой, вон как хлещет, – и собеседник Радмира указал рукой на кровоточащую рану самого юноши.

– А то давай помогу.

– Нет, я сам, – Радмир взял из рук воина нож и на мгновение замер.

Верный друг и слуга лежал на траве и, судорожно подергивая ногами, жалобно смотрел на своего хозяина. Радмир пригнулся к издыхающему животному и прошептал в самое ухо коня:

– Прощай, – и, приподняв конскую голову правой рукой, с силой полоснул левой по горлу.

Кровь брызнула их раны на землю, Сивка дернулся в последней судороге и через несколько мгновений затих, навеки уснув беспробудным сном.

– Левша, – не спросил, а сделал вывод незнакомец. – Да и вижу не из робких, совсем малец, а хотя двое воев тебя вязали, не сдался. Молодец, – покачав головой, произнес воин-рус.

Юноша, вытерев о сырую траву кровь с ножа, встал с колен. Только сейчас он как следует смог рассмотреть своих неожиданных спасителей. Первый раз в жизни он видел варягов – руссов, которых умчавшиеся в степь хазары называли непонятным словом «уррусс»⁵.

Воин, протянувший Радмиру нож, несмотря на сравнительно немолодой возраст (около сорока), был легок и подвижен. Он передвигался по земле как матерый хищник и в нем словно соединились необузданная медвежья сила, легкая волчья походка и стать лесного оленя. Кисти рук, привыкшие держать меч и копье, напоминали стальные клещи, а на мизинце правой руки не хватало двух фаланг, по-видимому, отрубленных в сражении. Такие же руки, только без отрубленных пальцев, были у поселкового кузнеца Радоты, который считавшегося самым силь-

⁵ Существует множество версий о том, кто же на самом деле были приглашенные на славянские земли в лице Рюрика и его братьев легендарные «варяги – русь». Кто-то до сих пор считает их скандинавами, кто-то поморами и т. д., но, проанализировав множество источников и изучив разные мнения и версии, я склонен придерживаться того, что варягами были прибалтийские славянские племена ободритов (бодричей). Они слившись с самым боевым и воинственным племенем – руянами (русами), жившими на острове Руяне (о. Буян в древнерусском фольклоре). Руяне не возделывали землю и не пасли скот, поскольку их земли были болотистыми и непригодными для пашни и выпаса скота. Они занимались только морским разбоем, и фактически мало чем отличались от легендарных скандинавских викингов, которым они не уступали в воинском умении, и даже иногда сами ходили походами в скандинавские земли. Языческие сказители помещают именно на острове Руяне мировое древо, над кроной которого простирается Ирий, воинский Рай русов. Главным богом руянов (руссов) был славянский бог войны Перун, мало почитаемый остальными славянами, но ставший в дальнейшем основным божеством для первых русских князей и их дружин, вплоть до принятия христианства при князе Владимире в 988 году (*Прим. автора*).

ным мужчиной в Дубравном – поселении, откуда был родом Радмир. Кузнец с легкостью гнул стальные подковы, мог разорвать не слишком толстую цепь и на всех праздниках и гуляньях неизменно выходил победителем в кулачных боях. Одет новый знакомый был в простую рубаху и штаны, поверх которых как влитая сидела длинная, почти до колен, кольчуга. На ногах были кожаные сапоги, а на голове – стальной остроконечный шлем. Вооружение руса состояло из висевшего на поясе меча в деревянных ножнах и притороченных к конскому седлу копья, лука со стрелами и небольшого щита, специально предназначенного для конного боя. Лицо, потемневшее от загара и покрытое морщинами, выражало спокойствие и уверенность, а длинные, поседевшие варяжские усы свисали ниже выбритого подбородка.

Когда рус снял шлем, Радмир увидел, что голова воина тоже выбрита наголо, и только прядь черных с проседью волос, как вызов врагам, гордо украшает мужественное темя. Все в этом человеке говорило о его профессии, профессии воина.

Сидевшие в седлах спутники незнакомца были гораздо моложе своего товарища. Младший, державший под уздцы коня старшего руса, мог быть на пару лет постарше Радмира, да и третьему можно было дать не больше тридцати. Одежда и оружие у всех троих были очень похожи, разве что вместо меча самый молодой из троицы носил кривую хазарскую саблю, он же, единственный из всех троих, не имел усов.

Как только конь испустил последний вздох, спаситель Радмира опустился перед юношей на колени, разорвал штанину и, промыв из фляги водой кровоточащую рану, наложил на ногу тугую повязку.

– Не опасно, скоро будешь бегать, не сегодня, конечно, но скоро, – он усмехнулся в седые усы и подошел к своему коню. – Нам тут с тобой болтать да разговоры говорить особо некогда, но если скажешь, откуда ты да как сумел в такую беду попасть, что чуть тебя не повязали степнячки-разбойнички, будем тебе за это признательны.

– Поселение мое Дубравным зовут, там оно, – Радмир указал рукой на север. – Славяне мы, радимичи.

– Так радимичи вроде под хазарами, дань Кагану платят, так чего ж ты с этими-то не поделил? – рус указал на мертвых хазарских воинов.

– Те, что дань платят, в низовьях живут, а мой род степнякам не подвластен.

– Ух ты какой гордый, – усмехнулся новый знакомый Радмира, – А ведь недавно с петлей на шее в грязи лежал, – повернувшись к своим товарищам, произнес старший рус.

– Все они поначалу гордые да смелые, а хазарин придет, так по кустам прячутся, – ответил самый молодой из руссов. – Поедем десятник, князь известий ждет, задержимся, по головке не погладит.

– Да уж и то верно, пора нам, князь-то наш уж больно суров. – Воин ухватился за гриву своего коня. – А ты, малец, гляди, леворукий боец – неудобный противник для врагов, да и если не трус, мог бы славным воем стать. А у нашего князя для храбрецов ворота всегда открыты.

Вскочив в седло, он водрузил на голову шлем и крикнул:

– Давай, парень, не поминай лихом, больше помочь тебе нечем, пробирайся к своим, а нам пора! – и, повернувшись к своим спутникам, скомандовал:

– Вперед.

Напоследок, пред тем как умчаться в степь, он уже на скаку еще раз обернулся и крикнул: – Может, еще свидимся, ежели что, запомни – Гориком меня зовут.

– А вы-то кто сами будете? – только и успел крикнуть Радмир.

– Мы люди княжи, Олега Киевского дружинники, – услышал он в ответ.

Радмир остался один посреди огромного поля рядом с трупами двух убитых врагов и павшего Сивки.

Загнав чуть ли не до смерти свою молодую серенькую лошадку, Зорко спешил в Дубравное – поселок, где жили Радмир и сам Зорко. Невер жил в располагавшемся дальше, верстах в пяти за рекой поселении, называемом Поречным, и поэтому именно туда его отправил Радмир, чтобы предупредить своих. Лесостепь заканчивалась, и юному гонцу все чаще приходилось преодолевать препятствия в виде оврагов, пересекать несколько небольших лесных массивов. Это затрудняло движение, и Зорко терзал себя мыслью, что не успеет вовремя.

– Как там Радмир? – беспокоился Зорко о своем верном друге. – Остался в самой гуще врагов, да и Неверу ехать в два раза дольше, успеет ли?

Вождай, к которому так спешил юный гонец, был в Дубравном кем-то вроде старейшины. Он руководил всеми общими делами поселения и пользовался заслуженным уважением родичей. Но самым главным в роду, в состав которого входило шесть поселений, был Пореченский воевода Борята.

В молодости Борята не раз ходил с вольной ватагой храбрецов в набеги на соседей, так что боевого опыта ему было не занимать. Говорят, что в приятелях у него в ту пору были и варяги-русы, от которых он набрался умения, так необходимого в сражениях и походах, и научился ловко орудовать не только привычными для каждого славянского мужика топором или копьем, но и настоящим варяжским мечом. Но позже, обзаведясь женой и детьми, Борята остепенился и вскоре принял на себя обязанности главного родового лидера, и теперь его волновали не походы в дальние земли, а ставшая главной в его жизни цель – забота о сородичах.

– Лишь бы Невер поспел к воеводе, а уж тот сумеет собрать ратников да оборонить поселения от степняков.

Вот еще один лесок, дорога огибала его, но чтобы срезать путь, Зорко повернул коня в самую гущу деревьев. Перескочив через поваленное дерево, он спустился в овражек, пересек его и выехал на открытую полянку. Именно в этот момент в грудь ему ударила стрела.

Зорко с ужасом глядел то на торчащий из его тела наконечник стрелы с черным оперением, то на выскочившего из за деревьев хазарского всадника. Степняк на всем скаку пронесся мимо и рубанул мальчишку своей острой кривой саблей. Зорко, из последних сил пытаясь защититься, прикрылся рукой, но стальной клинок отсек ему кисть и разрубил тело от плеча до самого сердца.

Умер Зорко быстро, единственной его мыслью перед смертью была мысль о том, что он так и не успел предупредить своих родичей.

7

Радмир шел уже несколько часов, почти не останавливаясь для отдыха, преодолевая препятствия и преграды на своем пути. Сначала он пытался бежать, но раненая нога давала о себе знать и каждый шаг отдавался нестерпимой, жгучей болью по всему телу. Как же ему не хватало верного Сивки, который домчал бы его до дома за несколько часов. Радмир стиснул зубы, его глаза едва не наполнились слезами, когда он представил, как тело его верного коня, брошенного посреди степи, терзают полевые вороны, выклевывают глаза, рвут на части его мертвую плоть.

– Прости меня, Сивушка, прости, – повторял юноша, не давая воли предательским, горячим слезам, которые так и рвались наружу. – Мне нужно спешить, мне нужно к своим. Успеют ли Невер и Зорко? – эта мысль не давала покоя молодому радимичу и заставляла его, терпя боль, продвигаться вперед.

Он вышел на заболоченный участок и, не рискнув идти напрямик, двинулся в обход. Несмотря на желание поскорее добраться до родных мест, Радмир, наученный горьким опытом, вел себя предельно осторожно, не выходя на открытые места без предварительного осмотра и разведывания местности. Теперь он воочию убедился, как поспешность и неосторожность могут не только погубить самого человека и его близких, но и не позволить выполнить возложенную на него задачу.

Перед глазами то и дело вставал образ воина-руса, который сегодня спас его от рабства, обратил в бегство грозных врагов и дал ему, Радмиру, свободу. Как же ему хотелось быть таким же, какими были они, эти бесстрашные ратники, способные обратить в бегство превосходящего числом противника.

Обойдя болото, Радмир подошел к лесочку и, спрятавшись в кустарнике, стал осматривать местность. Ничего не вызывало тревоги, но инстинкт охотника подсказывал, что что-то не так, сердце предчувствовало беду. Тело Зорко, верного его товарища, лежало в кустах, и над ним уже вились мухи, и только кобылка Зорко, склонив голову над мертвым хозяином, храпя и втягивая ноздрями воздух, не давала назойливым насекомым садиться на окровавленное тело.

Радмир упал на колени перед мертвым другом и только теперь, поддавшись порыву, рыдался, выплеснув наружу все то горе, которое терзало его весь этот страшный день. Но день еще не подошел к концу, он грозил новыми бедами и страданиями.

Через пару часов подъезжая к Дубравному на кобылке, когда-то принадлежавшей Зорко, Радмир увидел поднимающиеся над поселком клубы черного дыма.

8

Ведя за собой лошадь, он шел по развалинам родного поселка, осматривая трупы своих сородичей. Проходя мимо все еще горевших домов, Радмир слышал вой выживших после налета собак; у него уже не было слез, не было жалости к самому себе, была только неудержимая ярость, стремление во что бы то ни стало покарать всех тех, кто отнял у него все, что он имел, любил и берег. Подойдя к собственному дому, войдя в ворота, он увидел лежащее посреди двора тело отца. Тот лежал на спине с огромной раной в груди, очевидно оставшейся от удара хазарским копьем. Ветер трепал седую бороду мертвеца, а руки крепко сжимали простые крестьянские вилы – первое попавшееся оружие, с помощью которого отец пытался защитить свой дом. Тело матери юноша нашел лежащим посреди обгоревших остатков небольшого жилища и, увидев его, в ужасе отвернулся. Огонь сделал свое дело. Радмир впервые порадовался тому, что был единственным ребенком в семье и не имел братьев и сестер.

– Всех, кого не побили, в полон увели, – в ковчеге мимо сгорбленном седом как лунь старике Радмир узнал своего соседа по имени Мураш.

– Налетели ночью, как саранча, стрелами да факелами крыши домов закидали. Отец-то твой – герой, двух воинов вражьи вилами побил, прежде чем его копьем-то проткнули. Быстро отмучился, – старик закашлялся, прикрыв сморщенной рукой опаленную бороду.

– А мать? Как она умерла? – сдерживая набежавшую слезу, сквозь зубы прохрипел Радмир.

– Мамка-то плохо помирала, стрелой ей в живот попали, она в доме-то укрывалась, а дом возьми да вспыхни. Горел дом-то, а она бедная кричала долго, да потом умолкла. Вот так-то, внучек. – А ты-то, смотрю, уцелел, спрятался где, али как?

– Не было меня в поселке, вот и выжил, а ты сам-то как же уцелел, дедушка?

– Вон оно значит как. А я что, я-то в погребке отсиделся, успел спрятаться, да и кому я нужен старик горбатый.

– Отвернувшись, старый Мураш побрел дальше.

Юноша вышел за ворота. Клубы дыма от обгоревших стен, которые были когда-то его жилищем, не давали дышать. Обойдя соседей, он нашел лишь нескольких оставшихся в живых таких же, как Мураш, стариков и старух, которые поведали о набеге хазар, кто что видел. Они остались живы лишь потому, что степняки не придали им значения, не убили и не угнали в рабство, так как видели в стариках только никчемное, бесполезное сборище, не представлявшее ценности и угрозы.

Выпустив поводья серой лошади, которая все время следовала за ним, испуганно озираясь по сторонам, юноша присел на край поваленного забора и опустил голову. Радмир сидел,

склонившись над валявшимися вокруг него телами родичей, и сегодняшний день для него завершился, и вместе с ним завершилась старая его жизнь, а новая только начиналась.

Глава вторая

1

Борята сидел за широким столом, не спеша черпая деревянной ложкой наваристые мясные щи, сдобренные мукой и сметаной, приправленные толчеными кореньями и рубленой зеленью. Он то и дело вытирал ладонью окладистую русую бороду, в которой пробивалась первая седина. Боряте было уже под пятьдесят, но он был крепок телом, все так же быстр и силен, как и в молодые годы, когда он с ватагою таких же удалцов ходил охотиться на лесного зверя, участвовал в кулачных боях с соседскими парнями, тогда же он в первый раз пролил кровь врага.

Большая семья у Боряты. За столом по правую руку сидят двое сыновей Рагдай и Самоха, уже взрослые бородатые мужики, оба как две капли похожие на отца. Был и третий, младшенький – Санко, но прошлую осень пришла в дом беда, ушел паренек охотиться на уток да пропал на болотах. Долго его искали да все без толку, сгинул бесследно младший сын пореченского воеводы на горе отцу с матерью. Выплакала по сыну все глаза Борятина жена Улада, да только слезами горю не поможешь, есть для кого жить, кого растить, пестовать и лелеять. Кроме двух старших сынов остались у родителей четыре дочки. Трое – сами уже матери, и поэтому за столом рядом со старшими сыновьями сидят трое зятьев, да их дети, да дети Рагдая и Самохи, все мальчишки да юноши. Все они, подражая главе семейства, степенно стучат деревянными ложками по глиняным мискам, едят молча, медленно, со вкусом.

На столе кроме шей много разной снеди – каша, хлеб да квас, как неотъемлемая часть славянского застолья. Все это расставлено рядом с вареным мясом, солеными грибочками да квашеной капусточкой, здесь и фаршированная гречей щука, подкопченная стерлядка, зайчатина в сметане да моченые яблочки. Простая пища, да только сытная и вкусная. Вокруг стола снуют девки да бабы – это Борятины дочки, жена Самохи, с ними же и младшая Борятина дочь Зоряна. В углу избы всем заправляет уже немолодая, но все еще статная да пригожая хозяйка дома – Улада. Чуть поодаль, не участвуя в хлопотах, стоит Рагдаева жена Иля с малым ребенком на руках. Все в заботе, все при деле. Женщины не сядут за стол до тех пор, пока мужчины не насытятся, таков обычай, таков уклад во всех славянских семьях с давних-давних пор.

Невер, настезь распахнув дверь, бесцеремонно влетел в избу, едва не сбив с ног вскрикнувшую от испуга Илю. Та, отшатнувшись в сторону от проскочившего мимо нее парня и качая

головой да охая, принялась успокаивать сидящего на ее руках потревоженного малыша, который тут же своим громким криком нарушил царившее в доме молчание.

– Ты чего, парень, совсем ополоумел? – Борята грозно посмотрел на ворвавшегося в его дом неожиданного гостя. – Уймись, не на игрищах.

– Не гневайся, воевода, не до церемоний! – выпалил Невер, еле сдерживая дыхание.

Он стоял в дверях с расцарапанным в кровь лицом, весь покрытый пылью и придорожной грязью, в надорванной в нескольких местах одежде. Вытирая рукавом струившийся со лба пот, Невер добавил.

– Хазары большим войском идут, все конные с оружием!

Сдвинувшиеся было брови пореченского воеводы слегка распрямились, но через мгновение взгляд его снова стал суровым.

– Сам видел или от кого слышал? – задал вопрос хозяин дома, отодвинув в сторону душистое варево и распрявившись над столом. – Говори все, что знаешь, да без спешки, с толком, а то вон напугал почем зря баб моих. Говори, откуда такие вести.

Невер начал говорить и вскоре в подробностях рассказал пореченскому воеводе о том, как они с дубравновскими парнями обнаружили в полях большое хазарское войско, рассказал, как Радмир отправил его и Зорко с дурными вестями в оба близлежащих радимичских поселения. Все домашние Боряты внимательно слушали вестника, и даже ревущий младенец вскоре замолчал, словно и ему тоже были понятны ужасные вести. Невер закончил рассказ и только после этого украдкой взглянул на стоящую неподалеку синеглазую Зоряну, но тут же опасливо отвел в сторону глаза, остерегаясь гнева строгого родителя. Сама девушка, не заметив брошенного на нее робкого взгляда парня, с испугом глядела на становившееся все суровее и суровее лицо отца. Борята выслушал дурную новость молча, не прерывая рассказчика. С минуту он обдумывал, что делать, и только после этого поднялся из-за стола и направился к выходу.

Вся мужская половина присутствующих в доме тоже повскакивала со своих мест.

2

В отличие от Дубравного, состоявшего примерно из сорока домов, Поречное было довольно крупным родовым поселением радимичей, раскинувшимся между протекающей с восточной стороны речкой Вежницей и большим лесным массивом с противоположной – западной стороны. За рекой, в которой не переводилась рыба, в нескольких верстах начинались непроходимые топи и болота, в которых было полно клюквы, морошки и сладкой красной ягоды – земляники. Детям, ходившим за реку по грибы, по ягоды, строго запрещалось забредать в зыбкие топи, и только старики да бывалые охотники знали несколько тайных троп через эти труднопроходимые страшные места. Именно в этих зыбучих водах по глупости, послушавшись родителей, и нашел свою кончину младший сынок Боряты.

Лес, сплошной стеной возвышавшийся с другой стороны поселка, был густым и местами труднопроходимым, в нем было множество разного рода зверья и птиц, вдоволь грибов, орехов и ягод. Здесь пореченские умельцы, оснастившись тесками – цилиндрическими коробочками из бересты, добывали сладкий мед диких пчел. С южной стороны были обрабатываемые земли, на которых в основном сеяли пшеницу и просо, а также ячмень, рожь и овес, выращивали репу, морковь и другие овощи. Поблизости от полей пастухи – в основном малые ребята да подростки – пасли многочисленный домашний скот. Все вокруг было приспособлено для того, чтобы обеспечить людей пищей и кровом. Только не ленись, не сиди сложа руки и будешь в жить в сытости и достатке. Пара сотен домов, окруженных сарайчиками для домашней живности и хранения сенозаготовок, а так же другими вспомогательными постройками были в свое время построены на разном уровне. Поречное к северу уходило в гору, на высокий холм и оканчивалось крутым обрывом, вдоль которого протекал левый рукав разделявшейся надвое речки Вежницы. На вершине этого холма залогом безопасности жителей возвышался

деревянный детинец⁶, построенный еще прапрадедами сегодняшних жителей и предназначенный для защиты от неприятеля.

Укрепление представляло собой три ряда плотно подогнанных друг к другу бревен, заостренных сверху и разделенных между собой слоем песка, окружающих пространство, внутри которого размещалось с десятков строений. Строения, а точнее полуземлянки, укрепленные рядами бревен, частично уходявших в землю, а частично возвышавшихся над ней, были укрыты настилами и засыпаны сверху толстым слоем земли, и в случае попадания на них пропитанных горючей смолой горящих стрел неприятеля были надежно защищены от огня.

Часть этих укрепленных полуземлянок была предназначена для запасов провианта и оснащена амбарными перекрытиями для хранения зерна. Остальные строения были приспособлены для укрытия людей от непогоды, а также защиты от стрел и копий нападавших. Два глубоких колодца, вырытых на противоположных концах укрепления, обеспечивали защитников в случае осады чистой питьевой водой. Бревна в стенах сооружения регулярно заменялись по мере их износа, а в хранилищах постоянно лежали и по необходимости обновлялись запасы провианта, за этим неукоснительно следил лично сам пореченский воевода и назначенные им помощники. При атаке неприятеля детинец мог вместить до полутора сотен защитников и провиант и был способен выдержать длительную осаду.

3

Борята вышел на крыльцо и огляделся: со всех сторон к его дому спешили люди. Юный гонец на полном скаку промчался по деревне, и прежде чем вбежать в дом воеводы, успел выкрикнуть несколько фраз повстречавшимся ему жителям, и молва о грозных захватчиках уже разлеталась по всему селению.

Гулко и тревожно зазвенело било, выполнявшее в Поречном роль вечевое колокола. Толпа становилась все больше и больше, люди кричали, стараясь перекричать друг друга, и Боряте не сразу удалось успокоить неуправляемое человеческое сборище. Многие, поддавшись панике, призывали немедленно уходить в леса, кто-то кричал, что хазары не с набегом, а возможно мимо пройдут, некоторые уже похватили первое попавшееся под руку оружие и звали всех выступить навстречу врагу немедленно. Борята с сыновьями тут же подозвал к себе криками и жестами самых преданных и верных воеводе мужиков, которые в считанные минуты успокоили толпу, не пренебрегая и парой оплеух для самых отъявленных крикунов, и уже в полной тишине сам обратился к народу.

Сейчас, когда первая паника прошла, все слушали воеводу и выполняли его приказы. Он подозвал нескольких молодых парней и отправил их оповестить еще четыре оставшихся поселения рода, предлагая им организовать защиту и прислать воинов для создания общего войска и организации обороны. Несмотря на то, что рассказал Невер, воевода отправил двух посыльных в Дубровное на тот случай, если Зорко не смог предупредить своих. После этого он приказал всем женщинам с детьми и старикам собирать самое необходимое, переправляться через Вежницу и уходить на болота. Для их сопровождения было выделено несколько опытных охотников, хорошо знавших тропы через трясины и способных отыскать безопасные места, где можно будет переждать беду. Этим же охотникам он поручил собрать поблизости все лодки и к моменту сбора беженцев организовать их переправу на другой берег. Часть мужиков получила задачу организовать сбор по всем домам припасов и переправлять их в детинец, другим выпала задача собрать побольше метательного оружия: стрел, копий, подготовить котлы со смолой, пополнить запасы дров, чтобы при осаде заливать нападавших кипящей смолой, им же он поручил и другие работы по подготовке детинца к осаде, наказал проверить и при необходимости укрепить ворота.

⁶ Детинец – полевое укрепление внутри поселения (города), впоследствии кремль.

Часть наиболее умелых и уже побывавших в сражениях, он отправил в разведку навстречу степнякам, для того чтобы они попытались добыть сведения о передвижении неприятя, да и для того, что бы не быть застигнутыми врасплох, непосредственно в момент нападения.

Поселение стало похоже на большой муравейник, все куда то бежали, что то собирали, что то делали, помогая друг другу, но это уже не было паникой, людям этих земель было свойственно жить в состоянии тревоги за свою жизнь, но они умели в случае опасности объединиться и организованно бороться за себя, своих близких и свое, нажитое нелегким трудом имущество.

Меньше чем через час полсотни вооруженных тем, что было в их хозяйстве, мужиков и парней под предводительством одного из самых опытных воинов поселка – хоть и молодого, но уже неоднократно побывавшего во многих битвах Бойкана вышла из поселения и укрылась в лесу. Сотня всадников во главе с Рогдаем, проехав через поле, скрылась на другой стороне от поселка в неглубоком придорожном овраге.

Сам Борята с десятком воев, среди которых был и его второй сын Самоха, засел в детинце, откуда через гонцов и посыльных управлял всеми работами по подготовке к нападению. Все ждали непрошенных гостей.

К вечеру, когда стариков, женщин и детей удалось переправить через реку и они скрылись из виду, вернулись посыльные, отправленные в Дубровное, и известили пореченского воеводу и его людей, что соседнее село горит.

4

К тому моменту, когда солнце опустилось за горизонт, вернулись все посланные гонцы, а с ними тяжелой поступью, гремя доспехами и оружием, подошло подкрепление. Всего с четырех ближних поселений набралось около полутора сотен ополченцев. Все пришлые были вооружены по-разному, почти у всех были копья и луки со стрелами, у многих были топоры да кистени, лишь немногие имели мечи да щиты, доспехов, защищавших воина от ратного железа, было маловато. Некоторые вооружились рогатинами, с которыми было сподручней ходить на медведя, а не на сечу. Старые и молодые, богатые и бедные, охотники или пахари, кем бы они ни были, в трудный час все славяне мужского пола становились воинами.

Пореченские вои мало чем отличались от своих собратьев по оружию, в основном это были мирные труженики, не имеющие боевого опыта, было много молодежи, и только примерно одна пятая часть сборного славянского войска уже побывала в схватках. Им довелось за свою жизнь сталкиваться с дальними соседями – другими славянскими и угро-финскими племенами, с которыми зачастую приходилось вести суровые войны, но все же основными врагами радимичей в те времена были обитавшие в степях, именуемых Диким Полем, степняки – в основном хазары, болгары, да аланы⁷.

5

Когда легкий утренний ветерок разогнал пришедший с реки туман и травы покрылись крупными прозрачными каплями росы, воины, не спавшие всю ночь, заметили первые конные разъезды врага. Несколько всадников, соблюдая тишину, промчались перед поселением радимичей и, сделав пару кругов, повернули назад. Завидев врага, на широкое поле, расположенное перед Поречным, из-за домов вышло сборное войско радимичей и сошлось в едином строю.

Грозная рать представляла собой плотную, ошетилившуюся копьями людскую массу, прикрывавшуюся спереди большими и малыми щитами. Основное войско возглавил сам пореченский воевода, который стоял тут же, в первых рядах, плечом к плечу со своими роди-

⁷ Аланы – обитавшие в описываемые времена в предкавказских предгорьях кочевые племена. В отличие от тюркоязычных хазар и болгар (булгар), аланы были ираноязычными потомками сарматов, владевших южно-русской степью до гуннского нашествия, обрушившегося на них в IV в. н. э.

чами. Накануне вечером он оставил под началом одного из своих помощников подготовленный к осаде на случай отступления детинец и занял место в строю основного войска, численность которого составила к утру около двух сотен человек. Борята смотрел вдаль, наблюдая за противником, изредка подбадривая робких или, наоборот, осаживая самых ретивых бойцов, готовых прямо сейчас броситься в бой. На предводителе славянской рати плотно сидел чешуйчатый доспех, из нашитых на поддоспешник медных тонких пластин, прикрывавших грудь, спину и плечи, на голове красовался обыкновенный шишак – полусферический округлый шлем, от которого к спине и плечам свисала бармица⁸ из тонкого металлического плетения. В левой руке, помимо тяжелого деревянного щита, находилась полутораметровая сулица⁹, и точно такая же была в правой руке. За пояс Борята заткнул тяжелый топор на длинной рукояти, лука и стрел у него не было, и только неизменный для каждого славянского мужчины нож-засапожник дополнял набор вооружения грозного воеводы.

Помимо основного войска, преградившего неприятелю вход в поселение, по правую руку, в лесочке, укрылось еще пятьдесят бойцов, возглавляемых храбрым Бойканом, они не должны были вступать в бой без условного сигнала или до того момента, пока их не обнаружат. Второй засадный отряд, спрятавшийся в овраге по левому флангу, представлял собой славянскую конницу, вооруженную тяжелыми копьями и легким рубящим оружием. Руководил этим отрядом старший сын воеводы. Рогдай, несмотря на то что ему не было еще и тридцати, уже не единожды проявил себя в сражениях со степняками и имел неоценимый опыт конного боя. Сейчас он восседал на статном вороном жеребце с косматой гривой и ждал сигнала от двух дозорных, которые, спрятавшись в кустах у кромки оврага, вели наблюдение за полем предстоящего сражения. Конь, вместе с хозяином побывавший в боях, чувствовал, что сегодня ему предстоит не простая работа, он бил копытами землю, грыз удила, храпя и потряхивая головой. Рогдай был бледен, но спокоен.

Накануне он попрощался с женой. Осунувшаяся и побледневшая, с младенцем на руках, его красавица-супруга не вздыхала и не плакала, как это делали жена Самохи да сестры, отправлявшие на бой своих мужей. Иля просто долго смотрела на него, словно старалась оставить в памяти его образ, и опустошенные глаза ее были сухие-сухие, а губы, когда их уста слились в прощальном поцелуе, холодные-холодные, как у мертвеца.

– Береги детей, – сказал жене Рогдай, – не поминай лихом, если что, бери себе нового мужа. – И развернувшись, выбежал из избы, даже не поддержав свою любимую, которая тут же рухнула без чувств, на руки подхватившим ее и младенца родичам.

6

Первая, большая часть хазарского войска представляла собой легковооруженное ополчение из рядовых черных хазар. Другую, не столь многочисленную, представляли белые хазары, знать, именуемая иначе тарханами. Это были хорошо вооруженные воины, облаченные в пластинчатые или кольчужные доспехи, защищавшие большую часть тела. Несмотря на то, что тяжелооруженная конница в хазарском войске составляла всего лишь сотню воинов, именно она была способна решить исход битвы.

Степняки наступали сплошной конно-человеческой стеной, с шага переходя на рысь, а за тем, разогнавшись, с криками и свистом полетели вперед на стоявшую на месте пехоту славян. Сотни стрел, пущенных на скаку, обрушились на защитников славянского рода, и их истошные крики известили всех присутствующих о страшной боли тех, кто пролил первую кровь за свой отчий дом. Воины падали и снова вставали, занимая места, в общем строю. Черные хазары – легкая конница, а это именно они первыми начали бой – готовые вот-вот вре-

⁸ Бармица – кольчужная привеска (кольчатая металлическая сетка), прикреплявшаяся по венцу к шлему воина для защиты ушей, шеи и затылка.

⁹ Сулица – разновидность метательного оружия, нечто среднее между стрелой и копьем.

заться в ровный строй пореченской пехоты, приняли на себя несколько сотен выпущенных им навстречу славянских стрел, почти не причинивших им вреда, вдруг свернули в сторону и, продолжая осыпать неприятеля стрелами, помчались в сторону леса.

– Славные вои, на скаку стрелы кидают как в яблочко, да и кони у них неплохо обучены, вон как мчатся, – покачав головой, заметил один из стоявших рядом с Борятой пожилой ратник, – попробуй догони. Небось еще с жеребят их натаскивают.

В этот момент из леса навстречу мчавшимся степнякам полетели стрелы – это воины Бойкана с громкими криками и молодецким посвистом вступили в бой. Наткнувшись на внезапно появившегося неприятеля, первая сотня хазар не смогла уклониться от боя и вынуждена была начать плотную сечу с лихими бойцами, которые смогли ошеломить противника своим внезапным появлением.

– Давай, братцы, налегай веселей, – ревел, как медведь, разъяренный Бойкан, размахивая топором и кроша им, как скорлупу, конские и человеческие головы. – Не давайте им отойти, а то опять стрелами побьют.

Он уже опрокинул на бок одного хазарина, вогнав в бок его коня здоровенную рогатину, с которой не раз в одиночку ходил на медведя, и теперь рубил тяжеленным кружил вокруг скопившихся вокруг него всадников, подныривая под морды коней и рубя, как сучья, мохнатые ноги хазарских лошадок. Окружавшая его лихая толпа из таких же молодых и здоровенных парней, его верных сотоварищей по игрищам и пирушкам, не зная ни страха, ни горя, бросилась вслед отступившему передовому отряду черных хазар. Бойкан сам отобрал себе перед боем сотоварищей для засадного отряда с молчаливого согласия Боряты, который недолюбливал молодца за его буйный нрав и творимые его дружками безобразия.

– Ну вот, не вои, а одни тати¹⁰ безголовые, – недовольно пробурчал воевода, но утвердил список Бойкановой рати.

Воодушевленное примером товарищей, вперед двинулось и основное славянское войско и слилось в Бойкановой ратью.

В этот момент ударили они. Звенящая железом, кричаще-свистящая лавина, взяв полный разгон, понеслась на упоенное первым успехом воинство Боряты. Идя по следу первой сотни, стремительно набирая скорость, белые хазары – тяжелая конница врезались в изогнутый дугой строй неприятеля, тут же смяв его первые ряды. Ловко орудуя тяжелыми копьями и пиками, прикрываясь щитами и рубя и сокрушая всех подряд выгнутыми саблями, защищенные добротными доспехами белые хазары не только остановили, но и отбросили назад храбрых соплеменников пореченского воеводы. Воины гибли, гибли десятками, наверное, не меньше трети радимичей полегло в считанные мгновения под железным натиском хазарской гвардии. Борята, прикрываясь щитом, стиснув зубы, смотрел, как вокруг него один за другим падают его родичи.

– Не устоять мужикам перед умелыми воинами, не сдюжить, – видя, что победа будет за неприятелем, воевода понял, что надо спасать своих воинов от неминуемой гибели.

– Отходим к детинцу все вместе! Не бежать, а то порубят! – заревел воевода, пытаясь организовать отступление своего войска.

Нет безвыходных ситуаций, пока верит человек в себя и свою судьбу, пока верит в свои силы и силы тех, кто рядом с ним. Пусть ты стоишь в окружении свирепых врагов, готовых тебя порвать, растерзать, растоптать конями, отнять твою жизнь или сделать тебя навеки рабом, но если ты не трус, если в жилах течет не водица, а настоящая горячая кровь, всегда верь и дерись, дерись до конца, и тогда ты или победишь, или, по крайней мере, погибнешь как герой.

¹⁰ Тати – разбойники.

Воины Рогдая налетели молча, но одновременно с тем, как врезаться в строй врага, издали такой крик, что даже бывалые и прошедшие множество битв хазарские ратники на какое-то время смешались и ужаснулись. Несмотря на то что славянская конница была слабо обучена и вооружена так, что глядя на нее вне боя, храбрецы степняки просто бы рассмеялись, сейчас никому из них было не до смеха. Сеча была страшная, кровь лилась рекой, хазары дрогнули, но лишь на несколько мгновений. Жесткая выучка и мастерство воинов, умение их командиров переломить ход сражения в свою пользу сыграли свою роль. Под крики своих десятников и сотников хазары перегруппировались, перестроились и постепенно плотным полукольцом взяли в стальные тиски бесстрашных конников Рогдая. Бились долго, упорно, не считая убитых и раненых, и не было в той сече побежденных. Одни победили, другие сложили головы, не уступив.

Когда Рогдай, наблюдавший за сражением перед тем как вступить в сечу, понял, что пореченским воинам приходит конец, он, не дожидаясь условного сигнала, повел конницу в бой. Видел он и первый успех своих ратников, когда дрогнул и распался правый фланг хазарского войска, но затем мастерство захватчиков пересилило героизм славян. Рогдай сражался до конца. Даже когда вокруг него осталась лишь горстка воинов и он упал к копытам коня с рассеченной головой, он уже знал, что сделал свое дело. Часть основного войска успела отступить и укрыться за стенами детинца. Борята, видя, как погибает его старший сын со своим отрядом, думал о спасении войска и продолжал отступать, поднимаясь к вершине холма. Прикрываемые горсткой удалцов Бойкана, которым, как и бойцам Рогдая, в этот день было суждено стать героями и спасителями остатков славянского войска, воины Боряты вошли в поселковое укрепление.

– Ну вот, парень, теперь и твоя силушка пригодилась, – промолвил Борята, видя, как Бойкан рухнул на землю с пробитой насквозь тяжелым хазарским копьем грудью. – Прости, если что не так о тебе думал, и спасибо тебе.

Тяжелые дубовые ворота захлопнулись перед самыми мордами коней передних хазарских всадников, пытавшихся с ходу ворваться в нехитрое славянское укрепление. На головы им тут же полетели стрелы, копья и камни, заставив даже самых отчаянных повернуть назад.

Сражение закончилось, но война продолжалась.

Глава третья

1

Сар-Авчи Хан, составляя полную противоположность своему имени¹¹, был мрачнее черной грозовой тучи. Его раздражало буквально все, и он был готов сорвать зло на ком угодно. Буйук подходил для этого, как никто другой. Вначале экспедиция в славянские земли сулила большие перспективы, и в случае удачи могла принести богатую добычу как Каганату, так и самому Сар-Авчи. В случае удачного завершения миссия укрепила бы его положение при дворе Бека¹², усилила его влияния по отношению к воинственным соседям из родовой знати – таким же белым хазарам, каким был и сам Сар-Авчи Хан – в особенности к ненавистному врагу и вечному сопернику Илькэ-Бэку. Но все почему-то с самого начала не заладилось.

¹¹ В переводе с хазарского Сар-Авчи означает Белый Охотник.

¹² В первой половине VIII века один из знатных людей Хазарии Булан принял иудейскую веру и сумел навязать ее ряду других хазарских аристократов. Принял иудаизм и сам Каган. Потомок Булана хазарский военачальник Обадия, совершив государственный переворот, захватил в стране власть и превратил Кагана в послушную марионетку. Вся реальная политическая власть полностью перешла к царю-иудею (Беку или Шаду) и его ближайшему иудейскому окружению, состоявшему из нескольких тысяч человек.

Сар-Авчи был старшим сыном своего отца и в свое время кроме громкого титула унаследовал огромное зимовище, высокие стены которого были сложены из белого необожженного кирпича¹³, вокруг укрепления были раскиданы небольшие поселения, состоящие из глинобитных мазанок и юрт. Кроме того, наследство Сар-Авчи составляли земли, на которых простые пастухи пасли многочисленные стада, перегоняя их с одного кочевья на другое. Много раз, выполняя вассальную повинность, по приказу правящей верхушки Сар-Авчи Хан ходил

¹³ Никто из хазар, кроме Кагана, не имел права использовать обожженный кирпич.

в военные походы в северо-восточные земли к буртасам, эрзе и черемисам – мордово-мерянским племенам, покоряя их и взимая с них установленную дань. Приходилось ему усмирять и воинственных вятичей, живших в устье Оки, и тоже плативших дань Каганату. Все его походы были удачны. Богатства его росли, деньги, рабы, скот, укрепляли его положение, позволяли расширять владения, когда-то полученные от отца, в том числе и за счет разорившихся соседей, пастбища которых удавалось прибрать к рукам. Только один ненавистный Илькэ-Бэк, вечный соперник и конкурент, не давал спать спокойно.

Проведя зиму в своем родовом имении, наслаждаясь теплом очага, сладкими заморскими винами, приобретенными у византийских купцов, и ласками трех жен и десятка наложниц, Сар-Авчи собирался лично выехать на летнюю кочевку. Но тут его посетил посланник самого Бека, представитель правящей иудейской верхушки Исса-Иар с повелением от великого Шада. Сар-Авчи не платил подати ни Кагану, ни его окруженью. Его данью была воинская повинность, и когда посланец Бека огласил ему повеление правителя, Сар-Авчи Хан, покорно закивав головой, заверил гостя, что выполнит свой долг перед Каганатом. Целью похода было покорение остатков славянского племени – радимичей, живших севернее своих соплеменников, уже покоренных и исправно плативших дань. Особую прелесть этого похода составляло то, что предыдущий набег на эти земли по приказу Каганата возглавлял Илькэ-Бэк, покоривший славян, но не доделавший всю работу до конца.

Теперь ему, Сар-Авчи, предстояло завершить то, что не смог сделать его соперник. Славяне-лапотники не представляли угрозы умелому и мудрому полководцу, не раз завоевывавшему племена и народы. Правда, грозные вятичи в одном из набегов изрядно потрепали воинов Сар-Авчи, но, как думал сам хан, это случилось по вине слабо обученной аланской конницы, которая в том походе составляла большую часть его войска. Сейчас же, помимо почти полутысячной орды черных хазар из скотоводов и пастухов, перегонявших стада Хана, он брал с собой сотню тарханов, поклявшихся ему в верности, оснащенных лучшим оружием и доспехами, стоивших целого состояния. Эти воины из знатных, но не слишком богатых семей имели боевой опыт и горели жаждой разбогатеть и обрести славу. Хан дважды водил их в набег на буртасов и черемисов и сумел оценить возможности их ратного мастерства.

2

Буйук стоял перед Сар-Авчи с опущенной головой и на его красивом бледном лице были покорность и страх. Он знал, что любой другой из сотников на его месте мог бы уже получить смертельный приговор за то, что произошло. Но он, Буйук, не был простым сотником, он был младшим сыном и любимцем великого Сар-Авчи Хана, и только это заставляло Буйука надеяться на снисхождение к самому себе и к его воинам. Хан молчал и, глядя на провинившегося сына, думал.

Надежды рушились с каждым днем. Первый успех, отмеченный разгромом небольшого поселка, жители которого были застигнуты врасплох, и в ходе которого хазары потеряли только пятерых воинов, позволил Сар-Авчи поверить в свою удачу. Около сотни пленников, которые будут проданы на невольничьих рынках, захваченные шкуры лисиц, белок и бобров, зерно, изделия из металла, мед. Все это поступит в казну великого Кагана, но часть добычи достанется и самому завоевателю. Это, конечно, не золото и даже не серебро, но даже малая добыча радует сердце. Бой с основными силами непокоренных радимичей принес первое разочарование. В поселении их ждали, и внезапного набег не получилось, получилась битва с неумелыми, как считал Сар-Авчи, воинами. Но именно они, эти воины, эти славяне сумели сдержать натиск его непобедимых тарханов и сейчас, запершись в своей нехитрой крепости, были недоступны.

После того как остатки пореченского войска укрылись в детинце, все поселение было разграблено. Добычу сносили на центральную площадь и сваливали в кучу возле столба, на котором висело замолчавшее било, не так давно призывавшее селян на защиту родных земель. Поречное горело, а хазарские воины рыскали по всем углам, ища, чем можно пожи-

виться. Пленных не набралось и двух десятков, половину из них пришлось тут же прикончить, поскольку Каганату нужны рабы, а не калеки. Перед тем как умертвить пленных, часть из них пытали железом. Под пытками удалось узнать, что часть селян ушли за реку, основные запасы и ценности, которые были в поселении, накануне были перенесены в детинец. С ходу взять укрепление не удалось, и сейчас несколько десятков воинов, изучая местность, кружила вокруг укрепления. Крутой обрыв не позволял напасть с одной стороны, с другой была река. Сар-Авчи отложил штурм, приказав воинам делать лестницы и щиты на колесах для подготовки к атаке.

– Ты ослушался меня, и это стало поводом для многих бед, – Сар-Авчи говорил медленно, растягивая слова, словно желая того, что бы каждое из произнесенных слов острым ножом врезалось в уши провинившегося сына. – Ты повел своих воинов на славян и поэтому не успел к началу основной битвы.

– Я хотел принести тебе еще одну победу, отец! – грозный взгляд заставил Буйука замолчать и снова опустить глаза. – То, что ты опоздал на бой, не говорит о том, что ты трус. – Молодой хазарин в страстном порыве попытался возразить, но, под взором отца, снова осекся на полуслове. – Ты повел воинов в бой ночью, без разведки и потерял почти половину своих воинов. – Хан тяжело вздохнул. – Я еще раз повторю, что ты не трус, ты – дурак.

Молодой хазарин дернулся, как будто его ударили плетью.

Накануне, после разгрома Дубравного, молодой Буйук с сотней воинов отделился от основного войска и прочесывал местность. Получив приказ от отца исследовать дороги к следующему, находящемуся на западе от Поречного поселению, он должен был к утру вернуться к основному войску, но своевольно напал на третье поселение радимичей. Здесь его ждала засада. Ночью славяне заперли дома и расстреляли с крыш ворвавшихся в поселок воинов Буйука. Они натягивали веревки, и мчавшиеся на полном скаку всадники падали вместе с конями на землю, где их добивали разгневанные селяне. Не имея достаточного количества оружия, защитники поселка использовали все, что попадало под руку: косы и вилы, лопаты и цепа для обмолота зерна, не говоря уж об излюбленном мужицком оружии – простых топорах для колки дров.

Сейчас, после такого поражения Буйук ждал вынесения приговора.

– По твоей вине в моем войске не было сотни воинов, которые могли решить исход боя, и сейчас, вместо того чтобы думать о том, как мне выкурить этих простолюдинов из их прогнившего улья, я мог бы уже праздновать победу.

Сар-Авчи отхлебнул из серебряной чашки прохладный кумыс. Он не стал занимать захваченного поселка, а велел разбить лагерь на ровном поле, неподалеку от места сражения. Хан сидел на расстеленных коврах в своем походном шатре, вход в который неустанно охраняли его лучшие воины из числа белых хазар.

– Ты провинился, но я дам тебе шанс искупить вину. Дети и женщины ушли за реку, найди их и будешь прощен, ступай.

Сияющий от счастья Буйук словно на крыльях вылетел из шатра и, вскочив на коня, помчался к месту, где стояли лагерем остатки его сильно поредевшей сотни.

3

Щуплый, тщедушный мужичонка смотрел на покрасневший в пламени костра наконечник копья с застывшим в глазах ужасом. Отеня – так звали этого пленника, захваченного в ходе последнего боя. Именно его Буйук выбрал из десятка других в качестве средства достижения своих целей. На слипшихся от запекшейся крови волосах мужичка сидела черная жирная муха, но несчастный не замечал назойливое насекомое, а лишь, вздрагивая всем телом, бросал взгляды то на своих мучителей, то на покрасневший от жара металл. Отеня был среди тех ополченцев, которые вместе с Борятой в составе основных сил поселян попали под мощный удар белых хазар. Получив кистенем скользящий удар по голове, от которого он потерял сознание, Отеня свалился к ногам оглушившего его железного всадника и очнулся связанным уже после

окончания боя. В той, мирной жизни он был опытным охотником и знал наизусть все звериные тропы, а также ему были хорошо известны те тайные проходы через непроходимое болото, куда предусмотрительный Борята отправил женщин и детей. Отеня был неплохим стрелком, и когда в бою он стрелял в наступавших хазар, его стрелы точно летели в цель, он видел, что именно от его руки рухнули с коней один или двое черных хазар, первыми атаковавшие славянский стой. Но когда перед ним, как скала, вырос страшный стальной великан, маленький охотник оробел и, беспомощно прикрыв голову обеими руками, зажмурил глаза.

Почему именно его выбрали для допроса, Отеня не знал, может быть, выбор на него пал случайно, а может, кто из своих уже указал на него, выделив среди остальных как лучшего знатока пореченских топей.

Высокий хазарин¹⁴ с тонкими черными усиками и красивым бледным лицом, одетый в богатый, расшитый многочисленными узорами халат, перетянутый золоченым поясом с множеством бляшек, подошел к лежащему пленнику и сильно ударил его в лицо ногой, обутой в мягкий кожаный сапог. Мучитель возвышался над ним и что-то громко кричал на непонятном Отене языке. Переводчиком служил рябой толстоносый мужик лет тридцати, по всей видимости, из вятичей или буртасов, которого называли непонятным Отене именем Тилмай¹⁵. Завороженный видом раскаленного железа, которым его собирались пытаться, маленький охотник не сразу понял, что от него хотят, но потом, придя в себя, догадался, что его заставляют провести хазарских воинов через болота. Осознав это, Отеня судорожно замотал головой, но когда острый раскаленный наконечник прикоснулся к его обнаженной груди и резкий запах горелой плоти ударил в ноздри всех присутствующих, из уст страдальца вырвался истошный, нечеловеческий крик:

– Да-а-а, да-а-а, я согласен, не надо!

4

Его называли Тилмай, буртас по происхождению, он уже три года состоял переводчиком при молодом сыне хазарского хана и уже начал забывать свое настоящее имя – Кежайка. В результате одного из набегов, совершенном Сар-Авчи Ханом на родное поселение Кежайки, он попал в плен, и его ждали все ужасы рабства, если бы не его способности к языкам. Он знал несколько диалектов родного языка, а также языка черемисов, неплохо понимал славянскую речь и, проработав чуть больше года конюхом при стадах своего господина, быстро выучил хазарский. Это случайно заметил сын хана и попросил отца отдать ему смышленного раба. После этого жизнь Кежайки круто изменилась в лучшую сторону, он сменил лохмотья на недорогой, но все же вполне приличный наряд, питался остатками со стола своего нового хозяина и даже имел своего коня. Он повсюду сопровождал Буйука, прислуживал ему за столом и выполнял обязанности переводчика. У этого всего был один большой минус – очень часто вспыльчивый властелин Кежайки-Тилмая по поводу и без повода пускал в ход кулаки, а иногда, в приступе бешенства, и кожаную конскую плеть, и тогда верному рабу приходилось худо.

Сейчас Тилмай шагал по болоту, сжимая в руках конец толстой веревки, другой конец которой обвивал шею идущего впереди Отени. Следом за ними двигался сам Буйук, которому не терпелось поскорее найти ускользнувших от его отца беглецов. Сын хана был недоволен, и Тилмай, поглядывая через плечо, начал замечать первые, хорошо знакомые признаки хозяйского гнева. Следом шли тридцать воинов Буйука, в задачу которых входило обнаружить и пленить славянских женщин и детей, а при необходимости расправиться с сопровождавшими их несколькими мужчинами.

Отеня уже около шести часов водил по болотам охотников за легкой добычей и, нащупывая длинным шестом, сделанным из ствола молодой березки, зыбкую почву под ногами,

¹⁴ В переводе с хазарского Буйук – высокий.

¹⁵ Тилмай – знаток языка (толмач).

перескакивал с кочки на кочку. Буйук с трудом сдерживал свой гнев. Это задание, поначалу показавшееся таким простым, теперь завело молодого хана в тупик. Не привыкший подолгу обходиться без коня, он не выдержал и заорал на Тилмая:

– Ты долго еще будешь делать из меня дурака? Где мои пленники? – Он выхватил из ножен свою саблю. – Отвечай и скажи этому змеенышу, что если он в течение часа не приведет меня к ним, я отрублю ему руку!

– Он говорит, что заблудился, – испуганно ответил Тилмай и отшатнулся от рассвирепевшего хозяина.

Эти слова еще больше взбесили Буйука, и он, оттолкнув в сторону своего насмерть перепуганного переводчика, подскочил к проводнику и, схватив его за горло одной рукой, занес над его головой саблю.

Никто из присутствующих не ожидал от мелкого мужичонки такого мужества и прыти. Увидев, что плюхнувшийся в воду Тилмай выпустил из рук веревку, он, словно дикий конь, почувывший свободу, что было сил оттолкнул налетевшего на него молодого хазарина и побежал по болоту, пытаясь как можно быстрее оторваться от преследователей. Буйук упал в воду прямо на барахтавшегося в тине несчастного Тилмая и, провалившись в трясину по пояс, заревев, как раненый зверь, принялся колотить руками по голове своего незадачливого раба. Молодой хан, казалось, не замечал, что его засасывает трясина и только тогда, когда вода достигла его груди, ухватившись за брошенный одним из воинов аркан, накинул его себе на грудь и позволил верным слугам вытащить себя на сушу.

Отеня бежал пригнувшись, петляя, как заяц, умелым взглядом на полном ходу определяя, где обманчивая топь, а где крепкий пенек или твердая кочка. Оторопевшие хазары, озабоченные тем, как помочь своему господину, на какое-то время позабыли о пленнике, и у Отени появился шанс. Оказавшись на твердой земле, Буйук, весь мокрый и грязный, вырвал у ближайшего воина лук и пустил стрелу вдогонку почти спасшемуся Отене. Стрела предводителя хазарского отряда ударила в плечо, маленький охотник дернулся от боли и... оступился. Нога предательски соскочила с твердого пня, покрытого мхом, и мужичонка провалился в трясину. Только сейчас он обернулся и посмотрел на своих преследователей. По пояс в воде, неподвижный, теперь он представлял собой отличную мишень, и хазары, способные на скаку метать стрелы в бычье кольцо, выстрелили почти одновременно. Отеня смотрел в глаза смерти и улыбался. Пронзенный десятком стрел, он молча уходил под воду, и когда темные воды болота, окрашенные алой кровью, сомкнулись над его головой, он уже не дышал.

А неподалеку от места гибели славянского охотника безумный Буйук хлестал и хлестал ременной плетью бедного Тилмая. Он утопил в болоте свою изготовленную лучшими мастерами и украшенную золотом саблю. Возможно, окажется она под рукой в момент безумия, охватившего предводителя отряда, Тилмай был бы уже мертв. Рядом с ними стояли безмолвные хазарские воины. Они молчали, не обращая внимания на громкие крики истязаемого буртаса, и с восхищением смотрели не на своего хана и его жертву, они стояли и наблюдали за большим подвигом маленького человека, которого медленно забирало себе страшное болото.

5

Сар-Авчи не любил повторять ошибок ни своих собственных, ни допущенных кем-то другим. Не сумев одержать полную победу над пореченским войском и смирившись с поражением сына в бою за очередной населенный пункт радимичей, он не рискнул идти на захват остальных поселений, имея за спиной непокоренных, по-прежнему опасных для него славян, укрывшихся в детинце. Он выжидал. Сотню пленников и захваченную скудную добычу он отправил в Хазарию с охраной в пятьдесят всадников. В каждый из оставшихся поселков он отправил небольшие отряды с точным приказом не вступать в бой без острой необходимости. Потеряв убитыми почти полторы сотни воинов из пятисот, с которыми он пришел на земли северных радимичей, хан готовился к штурму. Буйук, ушедший на болота, не подавал никаких

вестей, и Сар-Авчи был обеспокоен судьбой сына, которого в порыве гнева бросил в неизвестность.

К вечеру вернулись отправленные в поселения разведчики и сообщили, что села пусты, а люди, судя по следам, ушли в леса. Вскоре вернулся с отрядом, но без пленников Буйук. Он сумел выбраться из болот, потеряв двух коней и проводника. Сар-Авчи Хан не стал ругать сына, в душе он был рад, что снова видит его живым, и отправил его, не дослушав до конца рассказ о его походе на болота. Миссия была почти провалена, изменить все мог только удачный штурм укрепления, пленники из числа вождей и старейшин и договор с ними об уплате дани. Сар-Авчи решил дать день на отдых войску и получше подготовиться к штурму.

6

Пока мрачные мысли терзали великого воина и завоевателя, другой человек тоже находился в раздумье. Борята также ощущал на себе тяжелую ответственность. Но если Сар-Авчи Хан думал о власти, славе и богатстве, то пореченский воевода думал о людях. Только шестьдесят девять человек, включая самого Боряту, сумели укрыться за стенами укрепления, хотя в начале битвы в Поречном собралось не меньше трехсот пятидесяти защитников. Он видел гибель сына, камнем сдавившую его сердце, он видел смерть Бойкана, позже, со стен детинца, он, стиснув зубы, наблюдал, как жгут и грабят его родной дом и дома его родичей, слышал крики тех, кого победители беспощадно добивали или пытали железом и огнем. Временная передышка, которую получили осажденные радимичи, была очень кстати.

Из шестидесяти девяти выживших добрая половина была ранена; через несколько часов четверо умерли, хоронить их было негде. Многие не могли стоять на ногах и истекали кровью. Борята приказал унести раненых в укрытие. Только сорок восемь человек были способны сражаться. Воевода разбил их на три группы, назначил старших и приказал по очереди нести смену на стенах. Ночь прошла спокойно, только к утру умерли еще двое раненых.

Борята вышел на стену укрепления. Небольшой отряд хазарских воинов вплавь форсировал Вежницу.

– В болота пошли... Беды бы не было, вон Отеня их ведет. – В говорившем воевода узнал того самого пожилого родича, который перед боем восхищался хазарскими лошадаками. – Этот все кочки знает, если проданся, потеряем детишек и баб.

– Нечего раньше времени живых хоронить! Знаю я Отенку, не может он так поступить. – Но в душе Борята был не так уж и уверен в своих словах.

– Ну не может, так не может, посмотрим, – вставил старик качая головой.

– Что делать будем, батя, вдруг и вправду найдут наших? – к воеводе подошел Самоха и посмотрел на отца единственным оставшимся глазом. В сече его зацепило копьём, глаз вытек, но сам Самоха выжил, и сейчас из-под тряпичной повязки все еще сочилась кровь.

– Ну уж точно не лезть сдуру на рожон. Пока ждать будем. – И Борята спустился со стены. Сам воевода в бою почти не пострадал, ему разбили чеканом¹⁶ щит, помяли шлем, но на теле осталось лишь несколько царапин.

День тоже прошел без сюрпризов, некоторые из раненых пошли на поправку, и число защитников детинца увеличилось еще на трех человек. Когда вернулись с болот воины Буйука, грязные и злые, а главное без пленников, весь гарнизон маленькой крепости облегченно вздохнул. Не увидев среди вернувшихся маленького охотника, почти все осажденные, стоявшие у стен, снимали шапки.

7

– Славьян! Славьян! – Кричавший коверкал хорошо знакомое каждому радимичу слово. – Хан звать, говорить. – Лохматый хазарин на сером коне размахивал куском белой

¹⁶ Чекан – оружие ближнего боя, имевшее боевую часть в виде узкого топора, закреплённого проушиной на прямом топорце, а обух в виде молотка.

ткани. – Хузар хан звать славьян хан – говорить! Славьян хан иди шатер СарАвчи Хан, говорить, голова не рубить.

– Иш ты какой прыткий – голова не рубить, а у самого рожа-то разбойничья. – Рябой мужичок глядел на гонца и недоверчиво качал головой.

– А усищи-то, глянь, как у сома висят. – Молодой русоволосый парень наложил на налучье стрелу. – Дядька Борята, дай я его стрелкой попробую, хватит ему, собаке, язык наш коверкать!

– Не балуй, Ропша, нельзя его трогать, убери лук, пусть лепечет, послушаем. – Воевода положил руку на плечо молодца и тот неохотно опустил свое оружие.

– А жаль, стрелка-то моя – каленая, уж я бы его, ух! – И Ропша погрозил кулаком переговорщику.

– Солнц над голова стоять, хузар хан свой шатер ждать. Славьян хан приходит, мало-мало голова не рубить. – И хазарин умчался к своему лагерю.

Все посмотрели на Боряту, ожидая его решения. Воевода медлил: хазарский военачальник звал на переговоры и приглашал к полудню в себе в шатер воеводу радимичей и гарантировал его безопасность – вот, что понял Борята из слов посланника.

– Не ходи, отец, не верю я им, – Самоха, гневно сверкая единственным глазом, с тревогой посмотрел на отца. – Не смогли они баб наших взять, не смогут и нас отсюда выкурить.

– Продержимся, воевода, не ходи, – согласился с Самохой молодой Ропша. – Запасов в детинце много, а эти, глядишь, и не сунутся, постоят да уйдут, а ежели тебя убьют, то и нам несдобровать.

– Эх, узнать бы, как там наши, живы ли, а то сидим тут, как псы привязанные, а их там, может, уже порезали всех. – Виллой, чернявый крепкий мужик, был не из пореченских, а пришел вместе со своими сородичами из соседнего села, называемого Белой Горкой, того самого, из которого так бесславно вернулся Буйук.

– Нужно идти, – решил наконец Борята. – Мы-то, может, и выстоим, да вот жены и дети наши долго ли продержатся на болотах? Да и прав Виллой – как там соседи наши, может, узнаю чего.

– Постой, воевода, не спеши, – с лежавшего бревна поднялся Неклюд, белогорский староста. – Прав вот этот молодец, – он указал на Ропшу. – Тебя убьют, всем худо будет, я пойду к хазарам. – И с усмешкой добавил: – Попросят они славянского хана, так я для своих ведь староста – ну чем я не хан, или бороду сбрить да усы покрасить?

Шутка Неклюда рассмешила мужиков.

– Если ты хан, так тебе гарем нужен, у ихнего хана жен-то много, а у нас тут из всех баб три кобылы да две козы, – под дружный хохот потешались мужики.

– Я с Неклюдом пойду. – Вперед вышел еще один белогорский мужик, Богутич. – Я и язык хазарский немного знаю, да и если погибать, так вдвоем веселее.

8

Войско готовилось к штурму, но что-то тревожило самого Сар-Авчи, а что, он не мог понять. словно огромные грозовые тучи сгущались над ханом и его воинственной ордой. Он жалел о том, что взял с собой слишком мало воинов в этот поход. При желании он мог собрать для похода войско не в пятьсот воинов, а в два раза больше. Поступи он так, славяне были бы разбиты, и он бы принес Беку желанную победу. Но кочевавший по соседству от владений Сар-Авчи Илькэ-Бек с его ордой представлял собой реальную угрозу. Не сомневаясь в коварстве своего соседа, Сар-Авчи Хан оставил восемьсот всадников под началом своего старшего сына Сун-Джена для обеспечения охраны своих стад и кочевий.

– Как же они мне нужны сейчас, – размышлял Сар-Авчи, вспоминая своего храбреца сына и оставшихся с ним в родных кочевьях воинов. – Буквально сотня-другая и сражение могло бы быть выигранным, а теперь...

Ночью он плохо спал, дурные предчувствия не давали заснуть, и лишь под утро Сар-Авчи смог уснуть. Ему снился сон, странный сон.

Когда-то очень давно, когда Буйук или Сун-Джен, будучи еще детьми, становились жертвами кошмаров и прибегали ночью к отцу с просьбой защитить их от пришедшего во сне видения, Сар-Авчи только смеялся над сыновьями и даже бранил их за трусость.

– Настоящий воин и полководец не должен быть суеверен. Он должен быть мудр и стоек перед любой опасностью, вне зависимости от того, может он объяснить ее происхождение или нет, – всегда говорил Сар-Авчи Хан, поучая своих сыновей. – Нужно использовать суеверия своих врагов против них самих, заставлять их бояться и роптать, вселять в них ужас, чтобы они боялись вас, как боятся они своих злых духов.

Дети, сглатывая слезы, покорно слушали своего воспитателя и впоследствии, когда ночные сны пугали их, они тайком от отца искали утешения у матерей.

Сам Сар-Авчи очень редко видел сны и никогда не придавал им значения, но на этот раз все, что он увидел в своих ночных грезах, происходило как будто наяву. Он видел сон, и то, что происходило в том сне, было таким реальным, таким настоящим, что хан не понял даже, было ли это вымыслом или реальностью.

Ему снилось, что охотясь в степях, его лучший сокол погнался за уткой. Красавец хищник преследовал свою жертву со скоростью выпущенной стрелы. Предвкушая легкую победу, пернатый охотник ударил свою добычу влет, сбил и, упав на землю, вонзил в нее когти. Несчастливая птица трепетала в лапах победителя, и в этот момент Сар-Авчи заметил, что происходящее он видит не своими глазами, а глазами своего любимого сокола. Это он, великий белый охотник, завладел жертвой. Победа была такой близкой, а добыча такой желанной, и жажда крови, которой ему предстояло напиться, захлестнула победителя. Но в этот момент солнце исчезло и огромная тень нависла над головами сокола и несчастной утки. Огромный белый орел, слетев с небес, напал на сокола. Могучий хищник клевал более слабого противника, терзал его до тех пор, пока сокол не вырвался из страшных лап своего врага и не улетел, оставив добычу орлу. Сар-Авчи, терзаемый ночным видением, метался во сне, словно наяву ощущая боль от ран, нанесенных более сильным и удачливым противником. Раненый сокол улетел под победные крики свирепого орла и, потеряв последние силы, опустился на землю. Он лежал, распластав крылья, и смотрел на растекавшуюся под ним темно-алую кровь, которая хлестала из его груди.

– Я проиграл, но я еще жив, – подумал Сар-Авчи-сокол, лелея в душе последнюю надежду. – Нужно бороться за жизнь, бороться до конца, – бредил во сне хан, чувствуя, как последние силы покидают его тело.

В этот момент новая тень нависла над головой. Над умирающим соколом кружил черный ворон, предчувствуя приближение его смерти, которая сулила желанную пищу. Ворон закричал так пронзительно и громко, что Сар-Авчи проснулся от этого страшного крика. Он очнулся, стоя на ногах посреди шатра, мокрый от пота и только сейчас понял, что это был лишь только сон. В эту минуту Сар-Авчи устыдился, что когда-то бранил застигнутых ночными кошмарами сыновей, тяжело вздохнув, он молча опустился на свое помятое ложе и стал дожидаться утра.

Утро пришло, но странный сон не выходил из головы.

– Я думаю, что нужно подождать со штурмом славянского укрепления, – сказал Сар-Авчи своим воинам, когда те собрались в его шатре на совет. – Давайте сначала пошлем к ним гонца, я не хочу рисковать остатками своего войска.

Несколько угрюмых воинов, составлявших его военный совет, только в недоумении пожали плечами. Все это случилось накануне того, как хазарский посланник посетил лагерь, в котором укрылись Борята и остатки его поредевшей рати.

Их было двое, обоим могло быть от сорока до пятидесяти лет, хмурые, бородатые, с крепкими мозолистыми руками. Они были сильны, но это были не воины, их руки привыкли держать соху, а не копье или меч, и Сар-Авчи в очередной раз подумал, как же так, почему удача отвернулась от него, и он не смог одолеть этих простолюдинов. С десятков хазарских командиров – десятников и сотников злобно смотрели на посланцев славянского воеводы. Вот они – воины, храбрецы, большую часть жизни проводившие в боях и набегах, сутками не покидавшие седла, вскормленные с копья богатыри. Хан знал, что по первому его слову эти волки степей готовы разорвать обоих посланников в клочья.

– Спроси их, кто они и их имена, – надменно произнес первые после встречи слова Сар-Авчи, обращаясь к выполнявшему роль переводчика Тилмаю, чудом выжившему после последней вспышки гнева Буйука.

– Мы вожди славян, и нас прислал наш воевода, чтобы выслушать тебя, – ответил Неклюд и назвал свое имя и имя Богутича.

– Великий хан Сар-Авчи, непобедимый воин и полководец спрашивает, почему вы противитесь воле великого Бека и отказываетесь покориться Каганату?

– Мы, славяне-родимичи, издревле живем на своих землях свободно и никогда не платили дани, – сказал белогорский староста.

– Но великий хан говорит, что все ваши соседи, одного с вами рода и племени, уже платят дань, теперь пришел ваш черед. Покоритесь, и мы оставим жизнь вам и вашим семьям. Передайте другим вождям, что если вы отдадите сейчас все меха, которые спрятали в своем деревянном укреплении, все серебро, которое у вас есть, великий хан уведет своих храбрецов из ваших земель.

– Видать, кто-то сболтнул им про меха и серебро, – шепнул в недоумении Богутич Неклюду. – Отколь прознали-то?

Толмай продолжал, упиваясь своим красноречием.

– Через год хан придет со своими воинами, и вы уплатите дань от каждого дома мехами, медом, и другим товаром, и так будет всегда. Хан милостив и не станет мстить за своих погибших воинов, но впредь он будет брать в свое войско воинов от славян по одному от десяти домов.

– Ишь ты, милостивый какой, смог бы нас побить, наверное, всех бы побил или в колодки засадил, – снова прошептал Богутич так, чтобы его слышал только Неклюд. Он понимал большинство слов хазарина без переводчика.

Сар-Авчи внимательно наблюдал за притихшими славянскими послами. Но те затаились и не отвечали ничего, правда, от взора хана не ускользнуло то, что один из радимичей несколько раз что-то прошептал своему товарищу.

– Этот понимает нашу речь, – подумал хан.

– Ступайте к своим и передайте, что если завтра, до захода солнца, ваш главный воевода и другие вожди не придут к нашим шатрам и не преклонят колени перед мы вырежем вас всех, как овец, и сравняем все ваши села с землей.

После этих слов Неклюд с Богутичем вышли из шатра и направились с тяжелыми сердцами к детинцу, где их с нетерпением ждали остатки славянского воинства.

Проводив славянских послов, Сар-Авчи отдал приказ своим командирам готовиться к бою, если противник не примет его условий. Больше откладывать штурм было нельзя. Сар-Авчи Хан взмахнул рукой, отпуская своих верных командиров, но не успели они встать, как в шатер влетел запыленный хазарский воин и, упав на колени и склонив голову до земли, прокричал.

– Прости, мой господин, дурная весть. Русы, большая рать, добычу твою, что отправил, взяли, воев побили, сюда идут.

Все вокруг повскакивали со своих мест. Лицо Сар-Авчи было похоже на камень.

10

В землянке было сыро и пахло плесенью и смолой. Закрепленный прямо на стене светильник, изредка потрескивая, мерцал слабым огоньком, освещая тесное помещение, и немного дымил. Но этот дым был не так страшен и силен, как тот, который проникал в землянку через приоткрытую дверь. Запах гари перебивал запахи плесени, сосновой смолы и все остальные. Там, внизу, за стенами детинца, продолжали дымить постройки, когда-то являвшиеся домами мирного пореченского люда, и поэтому это был не просто запах гари, это был горький запах поражения, нагнетавший отчаяние и тоску. Когда-то давным-давно срубленные бревна, служившие сейчас стенами и потолочным настилом примитивного жилища, почернели от старости и местами стали превращаться в труху.

– Поменять бы сены-то, а то никуда не годные стали, – поймал себя на слове Борята и усмехнулся собственным мыслям.

За все то время, с момента, как хазарская орда нахлынула на мирное поселение, которым руководил бесстрашный пореченский воевода, Борята почти не ложился спать. Сейчас он сидел на грубо сколоченных деревянных нарах, поверх которых лежало что-то типа соломенного тюфяка и смотрел на свои покрытые мозолями ладони.

– Когда-то эти руки знали меч и копье, разили врага, а теперь... теперь даже мысли о мирном труде приходят раньше, чем мысли о войне и сражениях, – размышлял воевода.

Не сражаться и разрушать, а трудиться и созидать привык он в последние годы своей жизни, потерял навык боя, воинскую смекалку и задор. Пять веков назад пришли предки Боряты в эти края, и жили они на этих землях вольно и свободно, растили детей, сеяли и пахали. Бывало, ходили войной на соседей и воевали род на род, племя на племя, но, побеждая врага, взяв добычу, большего выкупа не требовали, не притязали на свободу и волю других народов. Сейчас, видя, как умеют сражаться хазары, видя, какое у них оружие и оценив их воинское умение, понял воевода, что не смогут славяне-радимичи выстоять против силы Дикого Поля, и даже победив сегодня, не спасут свои семьи, когда хазары придут снова. Только удача и случай спасли родичей в этот раз, в другой могло быть хуже. Тяжело было принять решение, славяне всегда ценили свободу, сражались за нее до конца и не жалели при этом своих жизней. Но сегодня, отдав жизни, они отдали бы жизни жен и детей своих, а этого допустить было никак нельзя. Завтра возьмет Борята всех вождей, пойдет на поклон к хазарскому хану, отдаст ему серебро и меха и станут последние радимичи данниками Каганата, как многие другие народы. Видно такова их участь, такова доля.

Утром с тяжелой душой Борята поднялся со своего примитивного деревянного ложа, служившего ему постелью, и услышал крики. В землянку к воеводе вбежал гонец и возвестил о том, что хазарский лагерь пуст.

Глава четвертая

1

Войско хазар возвращалось домой. Такого разочарования Сар-Авчи не испытывал никогда. Еще бы – потерять добычу, потерять треть войска, не добиться победы. Возможно, кто другой на его месте бросился бы на руссов, попытался бы отнять добычу и, зажатый меж двух огней, погубил бы себя и всех воинов, но он был мудр. Он, СарАвчи Хан, прославленный Белый Охотник не поступит глупо, он соберет новое войско и снова придет на эти земли, он покарает и непокорных славян, и разгромит грозных руссов, и вернется победителем к великому Беку.

Войско шло ускоренным маршем, преодолевая естественные преграды. Проходя мимо сгоревшего села, которое славяне звали Дубравным, хан вспомнил о единственной своей победе в этом походе. Битву за Поречное, где враг не был разбит, а лишь отступил, победой назвать было нельзя. Но облик разоренного поселения, напоминавшего о недавнем удачном налете, не радовал сердце хана, а напротив, приносил тоску и уныние, словно демонстрировал наглядно то, что в скором времени может ждать его самого. На обгоревших развалинах не осталось следа той жизни, которая в недавнем прошлом текла здесь полным ходом. Погубленные огнем остатки строений еще кое-где дымились, и среди них бродили голодные, злые собаки, оставшиеся без хозяев. В скором времени эти псы одичают и уйдут в леса и, возможно, если выживут, то воьются в многочисленные волчьи стаи, чтобы наводить ужас на мирных лесных обитателей. Трупы, оставленные здесь победителями, кто-то убрал, но это не помешало воронью слететься сюда на свое страшное пиршество. Вороны-падальщики кружили над поселением и, не боясь ни снующих вокруг изголодавшихся собак, ни проезжавших мимо людей садились на землю и выискивали все то, чем можно было поживиться.

Три сотни воинов вел хан домой. Скоро они покинут эти земли и попадут в родные степи. Впереди в трех полетах стрелы шли дозоры, затем основной отряд, обремененный возами и повозками, на которых везли шатры, юрты и оставшуюся часть добычи, позади также следовал заградительный отряд. Если с какой-то стороны появится опасность, разведчики должны будут предупредить основные силы о выявленной угрозе.

Орда уже миновала несколько опасных участков пути, но впереди еще оставались небольшие речушки, которые нужно было пересечь. Выйдя на берег одной из них, хазары остановились.

Река не была слишком широкой, но с ходу ее было не преодолеть. Перед подошедшим войском была обмелевшая ее часть, где в самом глубоком месте вода достигала холки коня.

Хан выжидал, не давая приказа на то, чтобы пересечь реку вброд. Передовой отряд из десятка воинов уже преодолел реку и умчался вперед, и Сар-Авчи ждал от них вестей.

Несколько всадников догнали остановившееся войско. Один из них подъехал к хану и соскочил с коня.

– Конница, великий хан, русы, с полсотни, с оружием, на свежих конях, насилу ушли, – доложил предводитель замыкающего заградотряда и, низко поклонившись, отступил назад.

– Дозволь, великий хан, мне взять своих воинов, и я растопчу этих собак копытами наших коней. – стоявший поблизости Буйук опустил руку на рукоять сабли и подался вперед.

– И приведешь моих воинов в очередную засаду. Сколько я должен учить тебя, надо избежать боя, когда не знаешь сил врага, – горячность сына радовала Сар-Авчи, но его безудержная ярость, граничащая с безумием, порой даже пугала хана. Он прищпорил коня и помчался в тыл войска. Буйук и с десятков телохранителей последовали за ним.

Воины-русы кружили вдалеке, не отступая и не приближаясь. Нужно было принять решение. Пересекшие вброд реку передовые отряды, посланные в разведку, слишком долго не возвращались, и Сар-Авчи не знал, как поступить.

– Бери свою сотню и сделай вид, что хочешь напасть, но, что бы они ни сделали, не вступай в бой. Если они не отступят, отступай ты. – Предводитель хазар снова воплощал собой уверенность, мудрость и власть. – Ах да, вот еще, постарайся умерить свой пыл, мы не в том положении, чтобы рисковать.

Буйук, хлестнув плеткой коня, умчался в расположение своего отряда.

– Пусть он горяч, пусть вспышки гнева порой превращают его в безумца, но храбрости ему не занимать, к тому же он умелый военачальник. – Сар-Авчи любовался тем, как сотня хазарских воинов под началом любимого сына, разворачиваясь в длинную цепь, помчалась навстречу неприятелю.

– Почему же не возвращаются передовые разведчики, уже пора бы, – волнение все больше и больше охватывало великого хана.

Русы не начали бой, они просто отступили и умчались за горизонт.

Помня приказ отца, Буйук привел свой отряд обратно.

2

Хан отправил на другой берег еще двух разведчиков: то, что было за рекой, могло таить угрозу. Лощина, небольшой лесок, холм, за которым могла быть засада, все это не позволяло Сар-Авчи дать команду на переправу обоза и войска. Отступившие перед Буйуком русы снова показались на горизонте, и теперь сам хан решил поближе взглянуть на них. Их было человек пятьдесят, на резвых конях, они подошли медленно, словно берегли силы своих скакунов на тот случай, если опять придется отступить. Все воины были в кольчугах, с копьями и сулицами, их доспехи были добротными, а оружие могло вызвать восторг даже у самого требовательного знатока.

Впереди войска на могучем вороном жеребце ехал воин. На голове его, выбритой по обычаю знатных русов, не было шлема, и светлый как лебединое крыло клок волос развивался на ветру. Густые брови и не менее густые свисающие чуть ниже гладко выбритого подбородка усы были такого же светлого оттенка. Шлем, отделанный позолотой, со стальным надшлемьем он держал в руке. Меч и дорогой кинжал, висящие на поясе, дополняли его вооружение. Кольчуга и кожаные нарукавники с наклепанными на них металлическими бляхами были отличного качества и могли стоять целое состояние. Все это одеяние вместе с богатым красным плащом, скрепленным на груди золотой цепью с двумя крупными бляхами, еще больше добавлявшим всаднику величия, не позволяли усомниться, что именно этот человек и есть вождь русов. Но не суровое лицо и не дорогой наряд заставили Сар-Авчи вздрогнуть, страшный сон приснившейся накануне продолжал сбываться. На висевшем слева от седла небольшом красном щите с золоченой каймой был изображен расправивший крылья белый орел.

В глазах помутилось, сердце бешено забилося и холод подступил к рукам и ногам. Вот он белый орел, побеждающий сокола, лишая его добычи – страшный сон, страшное предчувствие. Сар-Авчи, словно охваченный безумием, развернул коня и погнал его к стоявшему на берегу войску; свита, так и не узнавшая причину странного поступка своего повелителя, устремилась вслед. Подъехав к центру обоза, хан созвал своих командиров и дал команду начать переправу.

Так он допустил свою очередную ошибку.

3

Как только первые хазарские кони перешли вброд реку и ступили на противоположный берег, из небольшого березняка навстречу им вышло пешее варяжское войско. Только сейчас хан понял, что посланные им разведчики больше не вернуться никогда. Войско русов, около сотни воинов, прикрываясь щитами, с копьями наперевес, развернутым строем побужало навстречу хазарам. Сар-Авчи с ужасом понял свою оплошность, но сильный дух возобладал над страхом, и взяв себя в руки, снова став самим собой, а именно бесстрашным и опытным предводителем, хан начал поспешно отдавать команды.

Побросав повозки и другую утварь, хазарские воины спешили как можно быстрее закончить переправу. Но тяжелые доспехи всадников и облачение коней стесняли движения. Кони отчаянно ржали, скользя по покрытым зеленым речным илом подводным камням. То здесь, то там кто-нибудь падал с лошади, где-то падали в воду и сами кони, их относило течением на более глубокие местах реки, где уже приходилось плыть. Но тяжесть груза и доспехи, такие спасительные в бою, сейчас сослужили своим владельцам дурную службу. Всадники тонули, тонули и кони. Пусть это были немногие, но их гибель видели остальные люди, и смерть товарищей вселяла в них страх. Но несмотря на все это большая часть войска уже преодолела реку. Мгновения решали все.

Сар-Авчи видел, что его гвардия – белые хазары, поспешно надевая шлемы и доспехи, пытаются собраться в кулак и, подгоняемые своими командирами, готовятся обрушиться на наступающего противника. Они успели собраться и даже развернуть многошереножный строй, но не успели взять разгон, который так был нужен для того, чтобы нанести мощный удар. Русы ударили первыми. Бегущая пехота обрушилась на стоящую конницу, и битва началась. Несмотря на то, что противник вдвое превосходил их числом, русы бились отчаянно. Это были не те сельские мужики, с которыми хан столкнулся накануне и которых его brave тарханы в считанные мгновения обратили в бегство. С ревом и свистом грозные варяги-русы¹⁷, прикрываясь большими тяжелыми щитами, били копьями всадников и их коней. Тяжелыми мечами они рубили хазарским скакунам ноги, секли головы или вгоняли свои тяжелые клинки в лошадиные бока по самую рукоять. Всадники падали и уже не могли подняться, гибли под копытами собственных коней. Белые хазары побросали свои длинные и ставшие бесполезными тяжелые пики и схватились за сабли. Многие из них даже не успели облачиться в доспехи и надеть шлемы, перевозимые на обозных лошадях, и бились как простые воины.

В тыл хазарскому обозу полетели стрелы, и конница под предводительством светловолосого всадника с орлом на щите ударила в спины врагам. Паника была ужасной, и даже непобедимые тарханы в считанные мгновения осознали свою беспомощность перед могучими и быстрыми дружинниками русского князя. Сар-Авчи не сводил глаз с так напугавшего его при первой встрече предводителя варягов. Вождь русов, окруженный горсткой таких же brave и статных витязей, бился в самом центре сражения. Он ловко орудовал мечом и лично зарубил уже четверых хазарских воинов. Он успевал колоть и рубить противника и при этом громогласно отдавать приказы. Его понимали с полуслова, и бесстрашные дружинники тут же

¹⁷ Напомню читателю, что в моем романе слова варяги и русы имеют практически одно и то же значение, это прибалтийские славяне, избравшие своим основным родом занятий воинское ремесло, пришедшие на славянские земли и подарившие нам первую династию русских князей – Рюриковичей.

бросались именно туда, куда посылал их бесстрашный вождь. Сеча превратилась в резню. Сар-Авчи Хан понял, что битва проиграна. Хазарское войско раскололось: мелкие кучки воинов и отдельные всадники, прорываясь через ряды противника, стремились скрыться в степи.

Сар-Авчи, окруженный телохранителями из белых хазар, тоже пытался пробиться через плотный строй русского войска, и благодаря бесстрашию своих лучших воинов ему это удалось. Горстка всадников устремилась в степь, но понимая, что предводитель хазар может уйти, в погоню бросилась часть конницы русов.

– Уходи, отец, я прикрою, – не дождавшись одобрения Сар-Авчи, Буйук дал команду, и двадцать из тридцати окружавших великого хана воинов развернулись и помчались навстречу преследователям. Сар-Авчи Хан, покидал славянские земли, понимая, что оставил сына на смерть. Оборачиваясь, он видел, как возглавляемая его сыном кучка воинов сшиблась с преследователями. Он увидел, как окровавленный Буйук, рассеченный варяжским мечом, свалился с коня. Его воины продолжали сражаться и умирали, спасая своего господина.

– Мой сын умер, умер как герой, – думал Сар-Авчи, нахлестывая коня. – Но мне сейчас нельзя умирать, я должен вернуться домой, я должен позаботиться о своем роде, который лишился доброй половины своих защитников. Я должен одолеть ненавистного Илькэ-Бэка и обеспечить процветание своим потомкам.

Русы потеряли в бою у реки лишь семерых воинов.

4

– Сначала они пришли в кочевья Тениш-Бета и кружили вокруг лагеря несколько часов, а затем исчезли. – Сар-Авчи хмурый и недовольный сидел в большом шатре и слушал рассказ Сун-Джена. – на следующий день Тениш-Бет не досчитался целого стада, а на месте его выпаса нашли двух зарезанных пастухов, – продолжил свой рассказ старший сын хана.

Сун-Джен, в отличие от красавца Буйука, был точной копией своего отца – суровый и выдержанный, не проявляющий лишних эмоций и не бросающий на ветер лишних слов. Буйук вышел характером и лицом в мать. Чичак-Хатун – писаная красавица из знатного, но бедного рода, была капризна и своенравна. Великий Сар-Авчи, взял ее первой женой после смерти матери Сун-Джена и любил больше всех своих жен и наложниц. Где теперь Буйук, точнее его тело, погребено ли в степи, или проклятые русы бросили его на растерзание волкам и воронам? Поспешно покинув поле битвы, Сар-Авчи с десятком верных слуг пробирался домой, прячась, как загнанный зверь, через владения воинственных соседей, где любой более сильный мог отнять у слабого коня, оружие, а может быть, жизнь и свободу. Правда, здесь удача не покинула побежденного хана, и несмотря на все трудности пути, он наконец-то добрался до своих владений. Но именно здесь его ждало новое испытание. Илькэ-Бэк вторгся в его земли.

– Тениш-Бет пришел ко мне просить помощи, и я не мог ему отказать. – Сун-Джен выдержал короткую паузу и продолжил. – Я отправил Балыш-Чи с Тениш-Бетом и выделил для охраны три десятка воинов.

– А ты был точно уверен, что стада угнали именно люди Илькэ? – спросил хан.

Тениш-Бет – ворчливый старик – был белым хазарином, и имел свое кочевье и свои стада. Он кочевал во владениях Сар-Авчи Хана и считался его подданным. В поход на славянские земли ушли двое его сыновей и с десятков простых воинов. Это бесспорно были храбрые воины. Один из сыновей Тениш-Бета погиб в битве за славянское поселение, другой, рассеченный тяжелым варяжским мечом, пал при переправе в бою с русами.

– В этом был уверен Тениш-Бет, – ответил Сун-Джен, продолжая свой рассказ, – его люди нашли бляху, оторванную от пояса. Вероятно один из пастухов сорвал ее в момент борьбы и хозяин не нашел ее, потому что была ночь. Эту бляху признали люди Тениш-Бета, кто-то из них раньше видел такие на поясе одного из воинов Илькэ.

Хан кивнул, и Сун-Джен продолжил.

– Илькэ-Бек рассмеялся моим людям в лицо и посоветовал лучше присматривать за своими стадами. ТенишБет предъявил ему бляху, но тот сказал, что таких блях полно, и они даже могут быть на нижнем поясе жены Тениш-Бета. Это было серьезное оскорбление, и ТенишБет схватился за саблю. Люди Илькэ бросились на него и изрубили на куски. Наши люди вступились, но врагов было больше, они все погибли, лишь одному Балыш-Чи удалось бежать. Он прискакал один, с обломком стрелы в ноге и рассказал о том, что случилось. Ночью воины Илькэ напали на наши кочевья. Была битва, но их было больше, они напали внезапно, а мне пришлось собирать своих воинов, которые были разбросаны по разным кочевьям. Прости отец! – и Сун-Джен опустил голову в ожидании приговора.

– Ты все сделал правильно, – Сар-Авчи легонько похлопал сына по плечу, – просто Бог отвернулся от нас. Теперь наши враги в любой момент могут расправиться с нами, – и, глядя куда-то в сторону, продолжил: – Мой поход был неудачен, я потерял все: сына, войско, добычу. Теперь я должен ехать к Беку и просить у него заступничества. Я не выполнил повеление великого Шада, меня ждет позор и разорение, но, быть может, узнав о бесчестном поступке этого подлого пса Илькэ, великий правитель поддержит нас.

5

Распускаются цветы, поднимаются травы, природа оживает и молодеет. Оживает и молодеет не на глазах, потому, что глазу это омоложение незримо и незаметно. Она словно тесто в кадке, сдобренное дрожжами: оно поднимается, пузырится и набухает, как набухают весенние почки на деревьях, как набухает земля, переполненная влагой и живительным солнечным светом. Солнце поднимается над горизонтом, оживляет землю и... а впрочем, только ли это заслуга солнца? Пожалуй, нет. Солнце, оно ведь только греет. Есть еще и вода, которая готова напоить всех и каждого, есть ветер, приносящий живительный шелест и прохладу, есть еще и земля, в недрах которой скрыты неисчерпаемые запасы, ресурсы, которые словно вдыхают потоки живого во все, что просит, жаждет этого живого, что хочет не просто быть, что хочет жить, жить, полной и настоящей жизнью.

Степь поражала своим волшебным многообразием и красотой. Для каждого времени года у степи имелся свой неповторимый облик. Где-то в середине лета степь желтеет, словно покрываясь золотым налетом из увядающих листьев и трав. Она становится похожа на желтый ковер с изредка встречающимися вкраплениями зеленых кустов и деревьев, который где-то далеко-далеко обрывается линией горизонта, и над ней простирается голубое небо с покрывающими его белыми воздушными облаками. Ближе к концу лета степь становится бурой и мрачной и представляет собой довольно грустное зрелище. Зимой степь покрывается небольшим слоем снега, переносимого с места на место сильными ветрами, и невыносимая летняя жара сменяется суровыми морозами, пронизывающими землю глубоко-глубоко и делающими ее твердой как гранит.

Но сейчас, весной, степь расцветала. Свежая зеленая трава, еще не успевшая выгореть и пожухнуть под лучами палящего солнца, колыхалась под порывами легкого ветерка, и казалось, что земля двигается и дышит. Дышит так, как может дышать только живое существо, наделенное плотью и кровью, способное мыслить, чувствовать и любить, и она, эта степь, жила, жила и любила своих обитателей так же, как и они любили ее. Вот где-то вдалеке промчалась стайка антилоп и скрылась из виду. Любопытный сурик высунулся из своей норы и бесстрашно смотрел на проезжавший мимо конный отряд, не замечая, что прямо над ним, высоко в небе, кружат два огромных степных орла. Пение жаворонков раздавалось повсюду, дополняя красоту, осязаемую глазом, еще и приятной слуху живой музыкой.

Именно такой любил степь хан Сар-Авчи. Сейчас он, оставив жен и наложниц, а также все свои стада и богатства на попечение Сун-Джена, которому он поручил командование жалкими остатками своего войска, мчался с горсткой венных слуг в стан правителя Хазарии с просьбой о защите своих владений от коварного Илькэ-Бэка.

6

Наступил месяц Нисан¹⁸, и великий и богоподобный Каган, потомок знатного рода Ашина, покинул свое зимовище – стоявшую на Волге столицу Итиль и выехал на свои летние кочевья, простирившиеся на многие-многие километры к западу от Каспийского моря. Сопровождавшие его многочисленные жены и наложницы, охраняемые сильными злыми евнухами, преданными и верными, так же последовали за ним. Окружавшая Кагана в его зимних владениях, находящаяся в стенах Итиля, приближенная знать, состоящая как из белых хазар, так и из богатой болгарской аристократии, сейчас покинула божественного правителя. Царские советники, министры и просто приближенные князья сейчас тоже разъезжались по своим родовым поместьям, находящимся поблизости от владений Кагана.

Но сам хазарский царь не покинул своего божественного владыку и сейчас сопровождал его. Ильк, что значит «первый», Иша или Бек, Малик-Хазар или как его еще называли Приобщенный Шад (так как он был одним из немногих, кто мог общаться с Каганом) – фактический и единственный полноправный правитель всего хазарского царства. Именно он, хазарский царь, вел мирные переговоры с соседями, объявлял войны народам и завоевывал их, собирая с них дань и подати. Он управлял вассальными князьями и прочей знатью, руководил сбором налогов с простого люда и вершил свой правый суд над теми, кто нарушил закон или его царскую волю. Поэтому именно к нему, к Беку, спешил подгоняемый страхом за свою жизнь и за свои богатства, преследуемый неудачами и бедами хан Сар-Авчи.

Кочевье представляло собой раскинувшееся на многие километры огромное поселение. В окрестностях кочевья паслись огромные стада лошадей, верблюдов и быков, а так же другого более мелкого скота. Всюду сновали небольшие конные отряды воинов, исполнявшие роль царской охраны. Уже подъезжая к резиденции правителей Хазарии, Сар-Авчи был остановлен всадниками из придворной гвардии, вожак которых затребовал объяснений от прибывших путников и, узнав цель их визита, сопроводил в поселение. Въехав в кочевье, Сар-Авчи Хан увидел раскинувшееся на большом расстоянии от основного поселения, располагавшееся на высоком холме жилище самого Кагана – богоподобного правителя всей огромной страны. Огромный шатер из белого войлока, разукрашенный дорогой вышивкой, был окружен более мелкими жилищами, в каждом из которых жили жены и наложницы Кагана. Божественный правитель имел двадцать пять жен из числа дочерей и сестер вождей покоренных народов и около шестидесяти наложниц, каждая из которых занимала отдельное жилище и охранялась собственным евнухом.

Помимо евнухов жилье кагана и его семьи охраняли грозные наемники из числа тюрок-мусульман, именуемых также арсиями. Это были беженцы, переселившиеся из земель, расположенных рядом с близлежащим к Хазарии Хорезмом. Храбрые и беспощадные воины, готовые в любую минуту прийти на выручку своему правителю, принять участие в любом завоевательном походе. Однако, по установленному соглашению, арсии имели право не участвовать в войнах против своих единоверцев-мусульман.

Сар-Авчи при встрече с гвардейцами Бека не стал полностью раскрывать своих планов, а сообщил, что прибыл с визитом к своему родичу. Кел-Дуган был двоюродным братом его матери и занимал незначительную должность при дворе правителя Хазарии. Именно к нему и поспешил Сар-Авчи, в надежде найти временный кров и пристанище для себя и сопровождавшего его небольшого отряда.

7

Жилище, в котором жил приближенный к правителю родственник Сар-Авчи Хана, представляло собой просторную, около шести метров в диаметре, юрту, в которой обитал пожилой

¹⁸ Нисан – апрель.

хозяин вместе со своей немногочисленной семьей. В центре жилища горел очаг, от которого легкие струйки дыма уходили к потолку и через отверстие в крыше вырывались наружу. Каркас постройки был выполнен из дерева, а стены и потолок были изготовлены из нескольких слоев материи, чередующихся со слоями плотного толстого войлока. В самой дальней части жилища возвышался небольшой ящичек из твердого дерева с незатейливым резным узором, на котором красовалась позолоченная фигурка Тенгри-Хана – единого небесного бога. Несмотря на то, что сам Каган и правящий страной царь – Бек объявили государственной религией иудаизм, многие хазары, в том числе и знать, продолжали придерживаться старых языческих традиций. Возможно, именно эти убеждения и помешали упряму Кел-Дугану продвинуться по карьерной лестнице, и он до сих пор являлся одним из низших придворных чиновников.

Напротив очага, лицом к входу в юрту сидел хозяин дома, младший привратник Бека Кел-Дуган – дряхлый упрямый старикашка с длинной куцей бородкой и густыми нахмуренными бровями. Он не спеша потягивал холодный кумыс из дорогой китайской чашки и слушал свалившегося на него как снег на голову несчастного родича.

– Мои воины пали, кочевья разграблены, мой старший сын с остатками войска засел в крепости и боится выходить из нее. – Сар-Авчи сидел на толстом ковре по правую руку от хозяина, продолжая повествование о своих бедах. – Илькэ нарушил закон, и правитель должен вступить за нас и наказать этого негодяя.

– Расскажи мне лучше о русах. Как могло случиться, что ты, воин в нескольких поколениях, имея войско, превосходящее числом, потерпел такое поражение. – Старик поднес чашу ко рту и сделал еще один глоток.

– Боги отвернулись от нас, – начал свой рассказ Сар-Авчи, но хмурый старик резко перебил его.

– Оставь в покое богов, я продолжаю молить великого Тенгри, мой владыка молится другому, невидимому богу, его стража поклоняется какому-то Аллаху, а русы приносят жертвы своим, неведомым нам богам, только в бою побеждает не тот, кто молился сильнее, а тот, кто лучше сражался, кто был мудрей и храбрее.

– Тогда я скажу тебе правду, мудрейший Кел-Дуган, – гость взглянул на хозяина юрты с волнением и продолжил. – Славяне были храбры, но мы разбили их, и они заперлись в своей крепости. Но те, другие – русы, они не просто воины, они воплощение зла. Они сражаются так, что наша доблесть меркнет перед их бесстрашием. Они идут в бой, как на праздник, убивая врага, они ликуют, и остановить их может только чудо, но ты запретил говорить о богах. А, как известно, без богов нет и чуда.

Сар-Авчи покорно опустил голову вниз, а слушавший его старик с усмешкой спросил.

– Ты что же, хочешь сказать, что их не победить?

– Победить можно любого, но для этого нужно знать своего врага, его сильные и слабые стороны, нужно разить противника в слабое место и не подходить к нему с той стороны, где он неуязвим. О русах пока мы не знаем почти ничего.

– Твои слова мудры и верны, но где была твоя мудрость в сражении? Ты говорил, твой младший сын пал, я сочувствую твоему горю.

– Отец, переживший сына, неутешен, но мой сын пал как герой, и это видели все, – возбужденный отец с гордостью расправил сильные плечи. – Мне не стыдно за то, что я родил такого сына.

– Быть героем почетно, но это укорачивает жизнь. Твой сын был слишком горяч и несдержан. Можно не становиться героем и при этом не быть трусом и, возможно, благодаря этому правилу многие люди доживают до старости. – Старик поставил опустевшую чашку на поднос. – Ты мой родич, и я помогу тебе. Попасть к правителю непросто, можно сказать, невозможно. Ты должен пойти к Исса-Иару, он сейчас в почете и любим Беком. Это он отправил тебя в поход, так что если кто тебе и организует встречу с правителем, так это он. Я попробую убедить его принять тебя, но это займет время, а пока отдыхай. Мой дом – твой дом, а мне пора вернуться к своим делам, – и Кел-Дуган, кряхтя, поднялся с ковра и побрел к выходу, оставив Сар-Авчи наедине с его мыслями.

8

Но попасть к одному из высокопоставленных чиновников страны было не просто, и Кел-Дуган, лишь через неделю случайно столкнувшись с Исса-Иаром, низко раскланялся и попросил того уделить ему несколько минут.

– Чего тебе? Не видишь, я спешу, – пренебрежительно взглянув на дряхлого старикашку, задал вопрос важный вельможа.

Этот старик всегда не нравился ему, но Исса-Иар, сдержав раздражение, остановился. Кел-Дуган был не глуп, и если бы не его ослиное упрямство, его верность старым традициям и нежелание принять новую религию, то старый разява смог бы достигнуть многого. Несмотря на свою напыщенность, Кел-Дуган, по мнению Исса-Иара, был еще и трусоват и не способен на авантюры, без которых никогда не обходилась жизнь придворного вельможи.

– Я прошу не за себя, – поспешно начал старик. – Хан Сар-Авчи, мой дальний родич и верный ваш слуга, просит об аудиенции правителя, – угодливо глядя в глаза собеседнику, продолжал Кел-Дуган. – Он вернулся из похода в славянские земли и нашел свое родовое имение разоренным. Он жалуется на своего соседа, который вероломно напал на него и пытается прибрать к рукам его земли.

– Какое мне дело до твоего родича, пусть сам пробивается на прием к Беку. Почему это я должен за него просить? – и Исса-Иар, потерявший интерес к беседе, повернулся, собираясь уйти.

– Но ведь это вы послали его покорять славян по приказу великого Бека.

Исса-Иар остановился как вкопанный. Как он мог забыть? Сар-Авчи Хан, мелкий провинциальный князь, совершивший несколько удачных походов в земли славян и мордвы, покоривший их и заставивший платить Каганату дань.

– А ведь верно, я отправлял его в набег на какое-то отдаленное славянское племя, – пытался вспомнить вельможа. «Отправляя его в поход, я сказал, что изъявляю волю самого Великого Бека», – подумал он про себя.

Тогда, пытаясь заслужить благосклонность правителя, он в качестве подарка хотел преподнести Беку известие о новых покоренных народах и решил сделать это руками Сар-Авчи, с которым ему раньше приходилось сталкиваться.

– Его поход к славянам был удачен? – резко повернувшись к оторопевшему просителю, выпалил Исса-Иар.

– Увы, мой господин, Сар-Авчи почти одержал победу, но на него напали русы, разбили его войско.

Ситуация становилась угрожающей. Исса-Иар почувствовал, как по его телу пробежал легкий холодок. Сейчас все мысли Великого Шада, царя и правителя Хазарии, были заняты разгоревшейся войной с взбунтовавшимися аланами. После принятия иудейства резко обострились отношения Хазарии с христианской Византией. Коварные греки при помощи наговора, подкупа и других средств натравливали на Каганат враждебно настроенные племена. Они же спровоцировали покоренных аланов к восстанию, и те совершили ряд набегов на прилегающие к Саркелу¹⁹ провинции. Бек, пополнив войско наемниками из гузов²⁰, собирался в поход на аланские земли.

Если сейчас правитель узнает, что за его спиной этот несчастный Сар-Авчи развязал войну с Каганом Русов, и это сделано было по его, Исса-Иара, приказу, то за такое пострадать мог не только побежденный хан, сам ИссаИар мог лишиться не только должности при дворе, но и головы.

– Твой родич, как его, Сар-Авчи, он обращался за помощью к кому-то еще? – мозг Исса-Иара судорожно искал выход из сложившейся ситуации.

– Нет, мой господин, он прибыл неделю назад и все это время находился в моем доме.

– А тот, другой, на которого жалуется твой родственник, как ты говоришь его имя?

– Илькэ-Бек, его сосед из белых хазар, – ответил Кел-Дуган, не понимая причины внезапной перемены настроения собеседника. – Его владения лежат по соседству...

– Хватит! – не дослушав старика, воскликнул приближенный Бека. Он вспомнил это имя. Две недели назад он видел этого человека, тот жаловался, что сосед, обвинив его в краже лошадей, набросился на него с саблей, и ему пришлось, защищая себя, убить его и его людей. Эта история внезапно всплыла в памяти, и в голове Исса-Иара созрел план.

– Приведешь завтра, нет, сегодня вечером своего родича ко мне, но помни, если он хоть слово скажет кому-то еще о своих проблемах, я клянусь, что для тебя это будет концом твоей карьеры, а быть может, и жизни. – И приблизившись к самому лицу Кел-Дугана, Исса-Иар грозно посмотрел ему прямо в глаза. – Ты понял меня, старик?

Несчастный весь затрясся и, кивая головой, отступил назад. Он уже пожалел о том, что вмешался в это дело и, не понимая причин случившегося, попятился задом, повернулся и бросился прочь.

Исса-Иар остался стоять в задумчивости. Через некоторое время он небрежным жестом подозвал к себе одного из своих слуг и велел ему срочно разыскать недавно прибывшего в лагерь Кагана человека по имени Илькэ-Бэк.

¹⁹ Саркел – «белая крепость» – второй по значению торговоремесленный центр Хазарского Каганата. После разгрома его в 965 году Святославом Игоревичем перешел под власть Киевской Руси и получил название Белая Вежа.

²⁰ Гузы – тюркоязычные племена, предки турок, азербайджанцев и туркмен.

9

– Ты хочешь получить земли своего соседа вместо того, чтобы отвечать перед правителем за убийство его людей? – Исса-Иар грозно смотрел на своего одноглазого собеседника, словно сверля его пристальным взглядом. Слугам приближенного к Беку вельможи не составило труда разыскать провинциального князя, прибывшего из дальних кочевий. Сейчас Илькэ-Бэк стоял перед Исса-Иаром и не понимал, чего же добивается призвавший его чиновник. Исса-Иар с интересом рассматривал своего собеседника, обдумывая, сгодится ли он для исполнения его плана. Это был крепкого телосложения муж с покрытым оспинами квадратным лицом и мощными скулами. В одном из боев с буртасами он лишился глаза и сейчас смотрел на Исса-Иара своим единственным немигающим оком. Из беседы с ним стало понятно, что новый знакомец Исса-Иара не отличается большим умом, но его жадность может сделать его тем, кто сможет решить возникшую проблему.

Накануне вечером он принял у себя в жилище Кел-Дугана и Сар-Авчи, и теперь в полной мере представлял все то, что произошло между двумя соперничающими соседями. Отправив обоих родственников восвояси и пообещав им решить проблему с визитом к Беку, Исса-Иар взял с них слово молчать о произошедшем до тех пор, пока он не переговорит с Беком. Но искать правду он не собирался, как и посвящать в эту историю правителя. Для того чтобы самому выйти сухим из воды, ему нужно было замести следы, и именно сейчас перед ним стоял тот человек, которого он выбрал в качестве орудия своего спасения.

– Тениш-Бет первым бросился на меня с саблей, а я защищался, – хмуро ответил одноглазый великан.

– Так защищался, что прикончил его и заодно тридцать человек его охраны, – усмехнулся чиновник. – А потом разгромил все войско хана Сар-Авчи. И конечно же, ты непричастен к краже коней и убийству пастухов. Только я слышал, что этих коней видели в одном из твоих табунов.

Исса-Иар выстрелил наугад, но по реакции собеседника понял, что попал в точку.

– Покажите мне того, кто так говорит, и я отрублю ему язык, – Илькэ-Бэк сжал свои огромные кулачищи. – Я говорил и буду говорить, что все это ложь.

– Мне плевать на то, что ты там говорил, и если я захочу, тебя осудят и предадут смерти за твои поступки. Но я предлагаю тебе жизнь и, более того, обещаю все уладить. Но для этого ты должен прикончить Сар-Авчи и его людей, но нужно сделать это так, чтобы не оставить следов. Не должно быть ни людей, ни трупов.

Широкое лицо Илькэ-Бэка расплылось в широкой ухмылке.

– Этот пес давно уже заслуживает смерти, что я должен сделать?

– Ступай к себе, отбери нескольких верных тебе людей и жди моего приказа. Возможно, если ты все сделаешь правильно, я помогу тебе получить право на владения твоего соседа. Но помни о молчании.

Когда обрадованный Илькэ-Бэк выбежал из шатра, на лице хозяина жилища промелькнула довольная усмешка.

– Теперь осталось решить самую трудную задачу, и для этого мне понадобится еще один помощник.

10

– Как ты не понимаешь, что твой родич разворошил змеиное гнездо, – не говорил, а почти кричал Исса-Иар на съжившегося, трясущегося от страха Кел-Дугана. – Ему было приказано подчинить пару маленьких деревень, а он фактически развязал войну с Каганом Русов.

– Но русы сами напали на него, – робко пытался оправдаться тщедушный старик.

– И мне ты предлагаешь сказать это правителю, когда варяжское войско ступит на наши северные земли, и это сейчас, когда нам предстоит битва с аланами, когда Византия засылает к нам под видом купцов своих шпионов. Ты совсем выжил из ума, старик?

Несчастный дрожал, проклиная тот день, когда Сар-Авчи ступил в его дом.

– Великий Бек расправится с теми, кто стал этому причиной, конечно, пострадаю и я. Хотя... – Исса-Иар искоса наблюдал за реакцией собеседника. – Сар-Авчи твой родич, ты хотел ему помочь, ты надоумил меня послать его к славянам, а теперь пришел покаяться. Да, я именно так и представлю всю эту историю нашему великому правителю.

Кел-Дуган был в ужасе. Он давно уже понял, в какую ловушку угодил. Исса-Иар вел свою хитрую игру и во избежание царского гнева собирался сделать его, Кел-Дугана, козлом отпущения. Кто он такой, упрямый старый неудачник, не сумевший подняться выше самой нижней ступени придворной службы. К тому же проклятый язычник, глупо цепляющийся за старых богов и не приносящий молитв иудейскому богу. Ах, зачем он стал помогать этому Сар-Авчи, достаточно было бы и того, что Кел-Дуган предоставил кров и пищу ему и его людям. Если русы придут на северные земли Хазарии и царь узнает, что они пришли по следам воинов его родича, доказать ничего будет нельзя. Любимец Бека, один из самых могущественных придворных, Исса-Иар все представит так, как будто Сар-Авчи действовал по собственной воле, а не по его указанию. Кроме того масла в огонь подольет ненавистный сосед, обвинив людей Сар-Авчи в нападении. Сар-Авчи был обречен, но что же ждет его, Кел-Дугана? Если коварный любимчик Бека обвинит старого чиновника в пособничестве сородичу, его лишат всего: богатств, должности, а быть может, и казнят или предложат совершить самоубийство. Великий правитель часто прибегал к такому способу устранения провинившихся вассалов, когда не желал публичной казни преступника. Старик упал на колени и, уткнувшись лицом в колкий ворс ковра, промолвил.

– Мой господин, не губи, я все для тебя сделаю, только помоги.

Злобное торжество отразилось на лице Исса-Иара, он в очередной раз доказал, что может повелевать недостойными.

– Твой родич должен замолчать, замолчать навсегда, и ты мне в этом поможешь.

– Но он сын моей сестры, к тому же я не воин, а дряхлый старик, я не смогу убить его.

Исса-Иар с презрением посмотрел на лежащего в его ногах старика.

– Чтобы кого-то убить, не обязательно быть воином. Отравленная стрела или просто яд в бокале – есть много способов лишить человека жизни. Просто для этого нужно не быть трусом. Убирайся, я скажу тебе потом, что ты должен будешь сделать, и не трясись, главную работу за тебя сделают другие.

Несчастный старец попятился назад и, с трудом поднявшись на ноги, выбежал из шатра.

11

Сар-Авчи любил соколиную охоту с детских лет, когда они вместе с отцом выезжали на промысел в степь. Потом, повзрослев, он сам частенько неделями пропадал в поле в сопровождении нескольких воинов. Но бывало, он выезжал на родные просторы один в компании с крылатым охотником. Он любил наблюдать, как сокол – ловчая птица, это воплощение людских представлений о свободе, бесстрашии и красоте, мчался за несчастной куропаткой или зайцем. Как, закогтив добычу, начинал рвать ее клювом, обагрив землю горячей алой кровью. Такая охота для него была не просто способом добычи трофеев, это было искусство, приносящее чувство упоения и какого-то безудержного счастья. Он, Сар-Авчи, сам представлял себя соколом, крылатым белым охотником, все время рвущимся ввысь. Он заставил полюбить соколиную охоту своих сыновей, и когда однажды он принес им обоим купленных за большие деньги двух соколов сапсанов, детскому счастью не было предела. Сун-Джену тогда было четырнадцать, а Буюку только десять. Где теперь его сыновья?

Они ехали впятером, удаляясь от кочевий Кагана, впереди не спеша двигались Сар-Авчи и Кел-Дуган. За ними на незначительном расстоянии следовали трое воинов Сар-Авчи, двое из них держали в руках защищенных большими рукавицами из воловьей кожи двух прекрасных, обученных ловчих птиц. Это были белые полуторакилограммовые самки кречета, лучшие

образчики своей породы, натасканные на птицу и мелкого зверя. Белое оперение птиц на спине сменялось на груди на сероватое с замысловатым темным рисунком. Птицы вертели головами, издавая свое неизменное хрипловатое «кьяк-кьяк-кьяк» и изредка взмахивали крыльями.

Но сегодня предвкушение охоты не вселяло радости в Сар-Авчи. Вот уже третью неделю он, почти не выходя из жилища сородича, ждал встречи с правителем. Но каждый раз ему говорили, что нужно подождать. Судьбы близких, которых он оставил в родовом укреплении, под охраной оставшихся воинов, не давали хану покоя. Вчера, придя домой, Кел-Дуган сообщил, что возможно Бек на днях примет его прошение и назначит аудиенцию и, чтобы развеяться, предложил выехать в поля на охоту.

– Твои птицы натасканы на вертикальный удар, верно? – спросил Сар-Авчи своего спутника, – Бьют грудью, или хватают когтями?

– Честно признаться, я купил их совсем недавно и не успел опробовать их в деле. Я рад, что такой знаток, как ты, сможет сегодня оценить мое приобретение.

Они выехали к небольшому лесочку и остановились. День обещал быть ясным, на небе лишь кое-где проплывали легкие белые облака.

– Там, за лесом, в высокой траве могут быть куропатки, – произнес Сар-Авчи, натягивая на руку кожаную перчатку и собираясь взять из рук своего слуги одну из двух привезенных птиц. – Ну что ж, пожалуй, пора их опробовать в деле, – он протянул руку и поглядел на стоявшего рядом старика, тот заметно нервничал.

– Ты что же, испугался собственных птиц? Тогда я покажу тебе, как с ними обращаться, – и умелый охотник рассмеялся впервые за долгие недели и дни счастливым беззаботным смехом.

Тяжелая стрела со стальным тупым наконечником глухо ударила его в грудь, оборвав смех отважного хана. Такие стрелы специально были предназначены для незащищенного доспехом тела, они оставляли широкое входное отверстие, благодаря которому жертва с первых же мгновений начинала истекать кровью. Белокрылый кречет шарахнулся в сторону, сорвавшись с руки оседавшего на бок человека, и, отлетев, опустился на лежащую корягу. Еще несколько стрел вылетело из кустов, и один из воинов хана тут же упал замертво. Двое оставшихся соскочили с коней и бросились к рухнувшему к ногам своего коня Сар-Авчи. Кел-Дуган уже лежал на земле, уткнувшись лицом в траву и закрыв голову руками. Шестеро воинов подскочили к умирающему хану и двум его верным слугам, которые, выхватив сабли, смотрели в лицо надвигающейся на них смерти. Илькэ-Бэк пустил коня на одного из оставшихся, заставил его потерять равновесие и в момент падения рассек саблей его не защищенную шлемом голову. Второй, более ловкий воин Сар-Авчи Хан успел рубануть саблей одного из нападавших, проскочив под мордой коня, ткнул своим изогнутым клинком другого, угодив ему прямо в пах, но в тот же миг был насквозь проткнут брошенным в него дротиком.

– Убрать все трупы и привести коней, не оставлять никаких следов, – заорал Илькэ-Бэт, отдавая распоряжения своим людям.

Сар-Авчи лежал на земле и смотрел в глаза своему победителю.

– Я же говорил тебе, собака, что придет день и я прикончу тебя, – обращаясь к Сар-Авчи, произнес Илькэ-Бэк, сжимая в руке окровавленную саблю. – Теперь я отправлюсь в твои земли и расправлюсь с твоим старшим змеенышем-сыном, а твои жены будут по вечерам снимать с меня сапоги, а по ночам тешить меня в постели, – и он разразился оглушительным смехом.

Он говорил что-то еще, но Сар-Авчи Хан уже не слышал своего врага. Взор умирающего помутился, отяжелевшие веки опустились, он умирал, как тот, побежденный орлом, сокол из сна. Он умирал и слышал над собой жуткий смех своего врага, напоминавший карканье ворона.

Судьба не всегда бывает милостива к храбрецам и героям. Проявляя чудеса героизма, мудрости и отваги, они бьются за идею, за веру, которая ведет их вперед к победам и поражениям, но, к сожалению, не они зачастую празднуют на пирах и снимают те лучики славы, которые по праву должны были бы согреть их остывшие после военных пожаров сердца. Победы празднуют совсем другие герои. Эти герои не вдыхали своими ноздрями запахи битв, не смешивали свой кислый пот с соленой кровью, зачастую льющейся рекой из прорубленных ран истинных бойцов и героев. Эти горе-победители и самопровозглашенные герои не знали горечи боевых потерь, и даже сам запах битвы никогда не вызывал у них возбуждения и азарта, сопровождаемого яростью и жаждой боя. Хан Сар-Авчи пал, преданный и обманутый теми, кто послал его в чужие земли. Он пришел в земли, заселенные смелыми и свободолюбивыми людьми, такими же храбрецами и героями, каким был и он сам. Сар-Авчи Хан – белый охотник, белый хазарин древнего рода, именно он, один из лучших представителей белой хазарской расы, готовый бороться за свои земли, свои семью и ту жизнь, в которую он верил сам, в которую верили все его предки много-много веков, сменяя одно поколение другим.

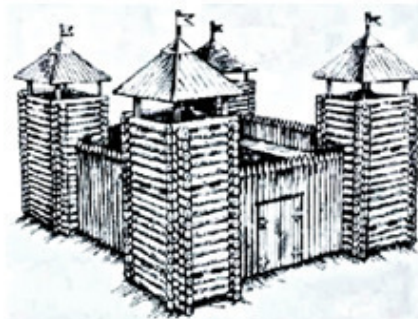
На следующую ночь люди Илькэ-Бэка, сопровождаемые Кел-Дуганом, тихо вошли в шатер, в котором мирно спали четверо оставшихся воинов из отряда Сар-Авчи, и задушили их спящих. Они вынесли трупы и вывезли их из лагеря в повозке под слоем конского навоза, обманув тем самым бдительных стражей Кагана. Единственное тело, которое удалось обнаружить, было телом самого Кел-Дугана. Кел-Дуган был стар, и все поверили в его естественную смерть, хотя его просто удушили в постели собственной подушкой.

Илькэ-Бэк, поддержанный Исса-Иаром, вернулся домой и, с его позволения, разгромил Сун-Джена и его воинов. Старший сын Сар-Авчи, не посрамив отца и младшего брата, сражался до конца и умер как герой. Победитель завладел землями и имуществом побежденного, но вот только любимая жена убитого хана – Чичак-Хатун, мать Буйука, не стала тешить победителя в постели. Перед тем, как враги ворвались в ее жилище, она вонзила себе в сердце кинжал.

До того, когда воины киевского князя Олега вторглись в земли Хазарии и подчинили себе многие славянские племена, платившие дань Каганату, во дворце Великого Бека так никто и не узнал о неудачном походе провинциального хазарского князька Сар-Авчи.

Книга вторая
Боярин и гридь

Глава первая

1

Со стен маленькой крепости, в которой укрылись остатки пореченского войска, Невер смотрел на опустевший хазарский лагерь и не мог понять того, что же произошло. Из-за густого тумана рассмотреть бывшее место стоянки хазарского войска полностью было невозможно, но даже сейчас было видно, что враги покинули свой временный стан. На том месте, где вчера стояли шатры и палатки хазарских воинов, сейчас была пустота. Вокруг Невера и других защитников пореченского детинца, стоявших этой ночью в дозоре на стенах укрепления, собирались остальные славянские ратники. Они с удивлением осматривали покинутый лагерь, не веря своим глазам. И лишь когда туман полностью рассеялся, последние сомнения исчезли. Хазары ушли.

После того как Невер принес в славянский поселок тревожную весть о набеге степняков, и когда детинец был подготовлен к осаде, ему и нескольким другим молодым парням было поручено вести наблюдение со стен укрепления. Несмотря на то, что Невер, как и большая часть его невольных сотоварищей, рвались в бой, желая принять участие в битве, их мнение никто слушать не стал. Боряте даже пришлось прикрикнуть на разгорячившихся молодых парней, и те смирились со своей ролью праздных наблюдателей. Вся картину битвы, которая чуть было не переросла в истребление целого славянского рода, Невер и его соратники наблюдали с высоты холма. Из-за плотно подогнанных друг к другу бревенчатых стен пореченского детинца его защитники смотрели, как пали Рогдай, Бойкан и еще больше двух сотен их соратников. Одним из первых в страшной сече пал и Ходота – отец Невера, осталась единственная надежда на то, что мать и две младшие сестры смогли уцелеть на болотах.

Невер обернулся. На стену детинца поднимался сам пореченский воевода.

– Ушли хазары-то, – рядом с Невером и Борятой оказался никогда не унывающий Ропша. – Глядишь, и кончились наши беды.

– Может, неспроста это али хитрость какая. Выманить нас небось хотят да напасть скопом, – вставил не столь оптимистичный Вилюй, стоявший невдалеке с другими белогорскими мужиками. – Что сам думаешь, воевода, как поступим?

Борята молчал, обдумывая увиденное. Почти отчаявшийся из-за принятого накануне решения о выплате дани и почти смирившийся с тем, что теперь его народ попадал в кабалу к слугам хазарского Кагана, воевода, обнаружив отсутствие врагов, поначалу тоже предположил какую-то хитрость с их стороны. Но поразмыслив, решил, что открытая местность не позволила бы хазарам спрятать большой отряд и напасть из засады.

– Гляди, гляди: вроде едет кто-то, – раздался чей-то голос с другого конца стены.

Все устремили взгляды вдаль, и многие тоже сумели рассмотреть одинокого всадника. Он не спеша ехал на мелкой лошаденке по направлению к крепости. Все, кто был рядом, тут же схватились за оружие, готовясь к самому худшему. Некоторые достали стрелы и луки.

– Кажись, наш это, не хазарин, да и без оружия он, чего переполошились? – прикрикнул на ретивых защитников крепости белогорский староста Неклюд.

– Это Радмир, – признал своего приятеля Невер, – а лошадка Зоркина.

Через некоторое время ворота детинца открылись, и людская толпа окружила въехавшего в крепость молодого всадника.

Невер выбежал вперед, и старые друзья обнялись.

– Зорко, что с ним, жив? – указывая на лошадь, спросил Невер.

– Нет его больше, да и всего поселка нет, не успел Зорко до Дубравного добраться, – и Радмир рассказал о найденном им несколько дней назад теле друга и о том, что стало с его родным поселением.

– Что про хазар скажешь, куда делись? – произнес, обращаясь к Радмиру, первые за это утро слова угрюмый Борята.

– Ушли они, воевода, совсем ушли, да только беды наши на том не кончились. Вслед им конные русы двинулись, думаю, не далеко хазары уйдут. Я тут в лесах уже несколько дней укрываюсь, да и с русами пообщаться пришлось, если бы не они, был бы я сейчас в плену у степняков.

– Так думаешь, нам русы не опасны? – спросил Борята. – Побьют хазар они, да глядишь, за нас примутся?

– Наверняка побьют и к нам придут, вот только вопрос, зачем. Тот обоз, что хан хазарский в свои земли отправил, русы уже захватили, всю добычу себе забрали, а вот пленных, что в обоих селах хазары повязали, русы на волю выпустили. В лесах они сейчас прячутся.

Все вокруг загудели, услышав такую новость, и бросились расспрашивать Радмира о том, не видал ли он кого из их близких.

2

Несколько дней радостные жители Поречного и их соседи, избавившись от грозного неприятеля, сновали вокруг своего поселения, убеждаясь, что опасность миновала. Первые освобожденные от хазарской неволи пленники стали возвращаться из лесов. Но думы о грозных русах не давали воеводе покоя, и поэтому, послав гонцов с вестями на болота, он приказал беглецам повременить с возвращением в поселок.

Но вот наконец-то пришли и посланцы от Киевского князя.

К воеводе прибежал молодой парень из тех, кто вместе с Невером в ходе хазарского набега отсиживался в детинце. Он с другими мужиками поутру ушел работать в поле и сейчас искал пореченского воеводу, чтобы сообщить ему новость.

– Русы пришли, дядька Борята, много, – взволнованно произнес запыхавшийся от длительного бега гонец. – Мужиков в поле окружили, спросили, кто у нас старший, говорить хотят. Вот меня к тебе послали.

– Окружили да повязали или как? Много – это сколько: два, десять, сто? Толком рассказывай, – проворчал недовольный воевода.

– Да нет, не повязали. Конные подъехали, человек двадцать, а может, больше, никого не тронули, велели вперед бежать, а сами сказали, что вслед поедут, со старшим нашим, с тобой то есть, говорить хотят.

Четверо вооруженных всадников въехали в поселок и направились к вышедшему им навстречу Боряте. Отовсюду к главной пореченской площади – месту встречи русов и воеводы сбегались любопытные поселяне. Всем хотелось взглянуть на славных воев, которые прогнали

ужасных хазар, послушать, что они скажут. В одном из всадников оказавшийся поблизости Радмир узнал своего недавнего спасителя, назвавшегося Гориком.

– О, здорово, герой, как нога? – могучий рус ловко спрыгнул с коня, обращаясь к юноше, как к своему старому знакомому. – Я же тебе говорил, скоро бегать будешь. – Радмир на это только молча пожал плечами.

Окруженный толпой незнакомых ему людей рус совсем не испытывал страха.

– Ну, кто тут у вас за главного будет? – обратился к гудящей толпе княжеский посланец.

Спутники Горика находились поблизости и, не слезая с коней, наблюдали за происходившим.

– Ну, со мной говори, Боряткой меня кличут. Я тут старший, верно говорю? – повернувшись к толпе, произнес вышедший вперед Борята. Все вокруг согласно закивали.

– Меня зови Гориком, мы люди Олеговы, князя Киевского младшая дружина²¹, – рус говорил громко, словно хотел, чтобы речь его была слышна всем. – Хазар тех, что вам ущерб принесли, мы побили, сейчас сам князь сюда идет с ратью своей. Коли дадите нам пищу и кров да тризну по убитым братьям нашим справите, не будет вам от нас беды и разора.

– Коли с миром идете, то мы вам не враги, – промолвил воевода с молчаливого согласия всех окружающих. – Только после набега богатых столов от нас не ждите, хаты наши – не хоромы княжьи, и половина, вишь вон, сгорела.

– Олег, предводитель наш, – воин, не неженка, шатров с собой не возит, да и мы, гридь княжеская, на землице спать привычные, в походах дичину да конину есть приучены, так что если крыша над головой есть да солома под боком – вот нам и хоромы. А если еще девку горячую под бок положить – так и одеял не нужно, – трое конных русов, услышав последнюю фразу своего товарища, дружно заулыбались в усы.

– Девок силком трогать не дам, а то не будет у нас с вами ладу, – тут же нахмурился Борята.

– Так мы ж не силком, а только по любви, вон Славко у нас до любви уж больно охочий, – Горик указал рукой на рыжеволосого молодого воина, и остальные русы громко заржали. – Любят его девки, как пчелки медок, а уж где у него самое сладкое место, он никому не сказывает, – услышав эту шутку, заулыбались и сами пореченские мужики.

Через час почти две сотни воинов князя с десятком пленных хазар вошли в поселение. Борята, договорившись с княжьей дружиной, послал гонцов на болота с добрыми вестями и приказом возвращаться.

3

Злобно смотрели славянские мужики на приведенных русами пленных. В драных перепачканных одеждах, со связанными руками, когда-то грозные хазарские вои сейчас не выглядели такими уж и страшными, какими они предстали перед пореченской ратью несколько дней назад. Угрюмо смотрели хазары на своих недавних противников, кто откровенно дерзко, а кто с испугом. Но никто при этом не проронил ни слова – ни победители, ни побежденные. Русы заперли их в одном из сараев, предварительно развязав руки и поставив двух сторожей из отроков. Поселковым мужикам было поручено напоить и накормить пленных. Среди запертых в ветхом строении людей сидел и думал о своей незавидной участи бывший слуга убитого Буйука – буртас Тилмай – Кечайка.

К вечеру в Поречное вернулись женщины, старики и дети и все поселение наполнилось криками радости и громким женским плачем. Жены и матери, потерявшие своих близких

²¹ Княжеская дружина делилась на высшую, которая состояла из княжьих мужей и бояр, входящих в его думу и призываемую для военных дел при необходимости, и низшую (младшую). Младшая дружина постоянно находилась при князе и составляла его регулярное войско. Она состояла из детских и отроков – мальчиков и юношей – будущих воинов и взрослых мужчин (гридней), выходцев из простого народа. Впоследствии младшая дружина (гридь или гридьба) стала называться княжим двором, а выходцы из нее – дворянами.

в сражении с хазарами, не стесняясь выражали свои скорбь и горе. Почти в каждом дворе, каждом доме горе и радость слились воедино. Оплакивая погибших, воем выли бабы, плакали маленькие дети, а выжившие в бою мужчины не знали таких слов, которыми можно было бы утешить вдов и сирот.

Невер, обняв мать и сестер, поведал им о смерти мужа и отца и, увидев на их слезы, отвернулся в сторону. Неподалеку в одиночестве стоял Радмир, ему уже некого было встречать, он постоял, насупившись, несколько минут и, повернувшись, побрел прочь. Навстречу ему попала дочь пореченского воеводы. Зоряна увидела Радмира, ее глаза засветились, но несмотря на то, что девушка рванулась к нему навстречу, Радмир сейчас не чувствовал радость от встречи. Он только кивнул остолбеневшей красавице и побрел дальше, озабоченный своими, лишь ему одному ведомыми мыслями. Многие знали, что Борятиня дочь тайно вздыхала по парню, и даже суровый воевода давно уже подметил, что дочь перестала быть маленькой девчонкой. Зоряна, почувствовав холод, исходивший от парня, побледнела и замерла. Наблюдавший эту сцену Невер только в очередной раз тяжело вздохнул.

4

Наскоро возведенная курганная насыпь возвышалась посреди огромной поляны, окруженной лесом, и семь мертвых тел лежали в ряд на самом ее верху в окружении скопившихся вокруг них воинов-русов. Оружие и доспехи мертвецов были аккуратно сложены у них в ногах, здесь же лежали их седла, уздечки, какая-то нехитрая посуда, турьи рога и чаши, на дне которых было насыпано по несколько медных монет. У подножья насыпи, вознося руки к небу, монотонно рыдали четыре старухи, которых русы пригласили из числа пореченских жительниц для совершения поминального обряда по усопшим воинам. Вокруг небольшого кургана горели костры, на которых в чугунных котлах варились мясо домашних животных, дичина и другие яства, предназначенные для предстоящей трапезы – поминального пиршества.

Все стоявшие вокруг дружинники были без доспехов и шлемов, в простых домотканых или богатых шелковых рубахах, в зависимости от степени знатности воина, его положения и уровня дохода, подпоясанные широкими золочеными поясами. Такие пояса отличали княжьего дружинника и выдавались при переходе из отроков в гридни. Из оружия они оставили при себе только кинжалы и мечи, с которыми князья гридь не расставалась почти никогда. Луки, стрелы, копьё и щиты, а также шлемы и кольчуги они оставили сегодня в домах, в которых расселили их пореченские жители. Все они, кроме небольшого, до зубов вооруженного отряда из тридцати облаченных в доспехи всадников, укрывшихся в лесу и выполнявших роль охраны, стояли с непокрытыми головами. Часть воев, с наголо бритыми головами, украшенными одной-единственной прядью волос, с длинными, свисающими ниже подбородка усами, представляли собой коренных варягов-русов из прибалтийских бодричей и верингов. Другие, бородатые и длинноволосые или постриженные «в кружок», были, в основном, из примкнувших к княжьей рати покоренных славян: кривичей, вятичей и древлян, а также ближних соседей радимичей – северян. Некоторые из дружинников были из мородово-мерянских племен, черемисов и бесстрашных, воинственных буртасов, часть воев были из степняков – угров и болгар – и для славян-радимичей они мало чем отличались от ненавистных хазар. Особняком держались немногочисленные скандинавы: рыжеволосые свеи, даны и угрюмые воины севера – нурманны, бородатые, с обезображенными шрамами хмурыми лицами. Но все это разноплеменное войско, присягнувшее великому киевскому полководцу, носило в ту пору одно имя – Князья Русь.

Многие по привычке называли своего вождя по-своему, каждый на свой лад: князем, воеводой, каганом или конунгом. Многие с трудом понимали славянскую речь, но все они, связанные узами воинского дружинного братства, умели воевать и воевать так, что слава о них гремела от холодных берегов Балтики до жарких земель, населенных византийскими греками.

Перед насыпью в сероватой полотняной рубахе до колен стоял седовласый старик с длинными распущенными волосами и клиновидной бородой до самой груди. Глаза его, взиравшие на окружающих из-под нависающих кустистых бровей, были разного цвета, один – темный, почти карий, другой – бледно-серый с зеленью, что делало высокого старца неким подобием той сверхестественной силы, в которую верили и которой боялись многие люди той эпохи. Он руководил всем обрядом, исполняя роль языческого жреца. Он смотрел на опускающийся за вершины деревьев солнечный диск и, призывая божества в свидетели, громко, почти крича, нараспев произносил заупокойную павшим.

– Приди к нам, Стрибог, бог ветра, и раздуй огонь на костре прощальном, а ты, Хорс-солнце, доставь души витязей, славных и смелых, в великую обитель Перуновых воинов, Ирей наш небесный, – старик подал знак, и две молодые девушки в белых траурных одеждах, также приглашенные для обряда, подошли к насыпи и положили к ногам усопших букеты цветов. – Зрите, люди, Желю и Карину²², и пусть оплачут они храбрецов, павших в правом бою.

Обе девушки, отождествлявшие божества жалости и скорби, неспешно удалились, и под продолжающиеся речи жреца их сменили три другие женщины, которые молча возложили к насыпи кувшины с медом и мешочки с зерном.

– Пусть уста ваши наслаждаются медами сладкими, а чрева ваши не знают мук голода, – нараспев продолжал свою речь седовласый старец.

На смену женщинам вышли воины, каждый из которых нес жертвенное животное: петуха и собаку. Один из отроков вел коня-двухлетка. В руках старика появился нож, и несколькими минутами позже все три жертвы пали, окровавленные, к подножью маленького кургана.

Когда солнце исчезло за горизонтом, оплакивание усопших переросло в тризну, состоящую из игр, плясок и состязаний в честь убитых воинов, сопровождавшуюся поминальным пиром. Вспыхнул прощальный костер, и подхваченные пламенем души мертвых вознеслись в Ирей под громкие песни восседавших за наспех сколоченными столами грозных воинов киевского князя.

5

– Ну так вот, решайте сами, быть вам под моей рукой или ждать, когда степняк придет, и под него ложиться, – князь восседал на своем статном вороном жеребце, в неизменно накинутом на плечи красном плаще, окруженный пореченскими мужиками во главе с Боряттой.

Его щит с изображенным на нем парящим орлом, когда-то так напугавший Сар-Авчи Хана, держал стоящий неподалеку отрок – оруженосец. Толпа вокруг князя негромко гудела, напоминая потревоженный пчелиный рой.

– Соседи ваши, северяне, встали под мои знамена, теперь ваш черед. Везде, где ступало копыто коня моего, теперь моя власть, – Олег окинул гудящую толпу суровым взглядом.

– А сколько платить тебе, сказывай, а то, может, последние порты снять придется, нас-то вон как хазары потрепали! Пока теперь жизнь-то свою наладим! – выкрикнул кто-то из толпы.

– Платить будете столько, сколько с вас хазары запросили. На прокорм войска да постройку градов-укреплений, чтобы степняки к вам не сунулись. Пока дани с вас не возьму, платой будет та добыча, что я сам у хана хазарского взял, а через полгода, как отстроитесь, тогда и плату давать будете, какую установил, – князь умолк.

– Что ж, справедливо, – высказался кто-то из пореченских мужиков. – За защиту домов наших платить надо, не то ни домов у нас не будет, ни голов на плечах.

– А коли откажемся, что тогда сделаешь? – в говорившем Борятта признал Вилюя, который до сих пор не вернулся к себе в Белую Горку, а гостил у родича в Поречном.

²² Желя – вестница мертвых, богиня скорби и жалости. Карина – богиня-плакальщица, сопровождает погребальные обряды, витает над полями сражений, тоскует в местах упокоения усопших вместе с Желей, своей сестрой.

– Все равно заставлю, если надо будет, то и силой. Не любо мне кровь славянскую проливать, но для общего блага не грех и за меч взяться, – князь нахмурил брови, и Виллой под этим взглядом поспешил скрыться за спинами сородичей. – В общем, решайте, по добру под мою руку пойдете или поневоле, а все равно быть вам под киевским князем.

Из общей людской массы вперед вышел Борята и поднял руку, требуя тишины. Гудевшая толпа сразу умолкла. За последние дни уважение к воеводе стало почти безграничным, и теперь все смотрели на него с какой-то трепетной надеждой.

– Когда опытный пахарь за плугом идет, лемех его, как масло, землю режет. Потому что рука у того пахаря твердая и умелая. Когда эта рука зерно в почву бросает, высокий колос над полем встает, и зерна в нем полные да зрелые. Когда матерый зверолов уходит в лес, чтобы медведя добыть, рогатина да нож в его руке не дрожат, а как влитые сидят, и зверь перед ним почти что сам ложится. Умелый охотник и зверя выследит, и с добычей в дом вернется, – воевода сделал паузу, давая слушателям осознать услышанное. – У опытного кузнеца из-под молота искры летят, а кроме искр, из-под его руки и гвоздь, и подкова, и меч и кольчуга выходят – ладные да крепкие. К знающему рыбаку рыба сама в сети плывет. Так было испокон веку, кто умел да ловок и дело свое знает, у того это дело и спорится. – Воевода снова сделал паузу. – Показали нам хазары, что не устоять мужику перед воем: ни пахарю, ни охотнику, ни кузнецу. Много крови пролито, много братьев наших теперь в земле лежат. Так пусть мужики землю пахут да хлеб растят, а те, кто в деле ратном силен да жизнь этому посвятил, пусть воюют да жизнью этой и рискуют. А за жизнь плата не может быть слишком большой, на то она и жизнь. Пусть князь Киевский правит нами да жизни наши стережет, таково мое слово, а уж вы решайте, как вам быть, под князем или под Диким Полем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.